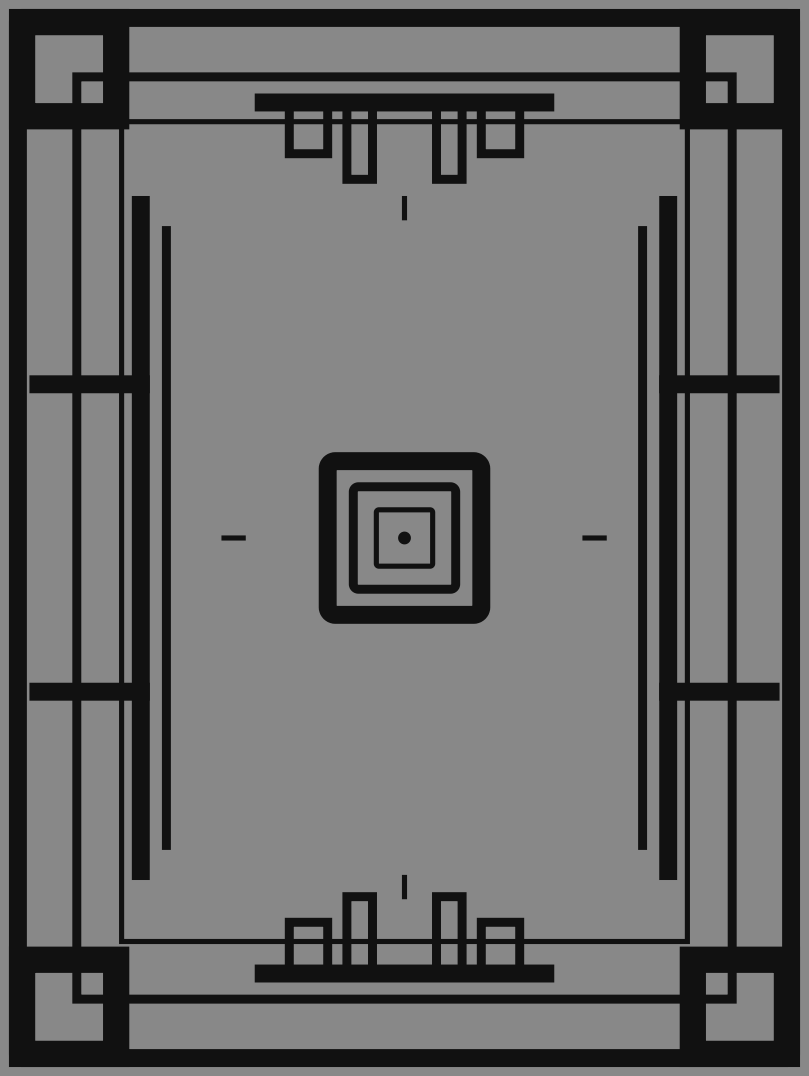

ЛУИ-ФЕРДИНАНД СЕЛИН

ПОПАЛИ В ПЕРЕДЕЛКУ

Les Beaux Draps
Pamphlet

Nouvelles Éditions françaises
Éditions Denoël
Paris 1941

Посвящается верёвке без висельника.

Такие вот дела! Похоже, что всё изменилось, что мы все теперь облагородились, искупились, у всех хорошие манеры, настоящие добродетели. Необходимо следить за своим языком. Существуют даже декреты об этом. Я предстал перед судом, такого больше не должно повториться! А главное, никаких имён! Только общие идеи! У Мадам де Бруссоль их полно! Урождённая Плюмьер! Сардины в масле! целомудренные! не в воде! Перно! Ах! Ах! Разумеется! Здесь нужна находчивость! Один как перст! Я никому не дамся! Я больше ни во что не впутываюсь, я сделался непроницаем, меня терзают затаённые мысли. Я схоронился. Вдобавок стал очень осторожен! Всё значительно усложнилось! На каждом углу цензоры, доносчики... Куда ни глянь... Выбираем, выбираем выражения!

Франция - один большой стукач, она полна людей, которые пойдут и донесут на тебя... Они все тут же идут в прокуратуру... завтра они уже возвращаются на улицу Риволи... Во имя Родины! сдай своего приятеля, приятельницу... вот так, не теряя ни минуты...

Желчь правит! Посмотрите на этот народ, их физиономии — это кошмар наяву. Что ни рыло, то воплощённое похабство. Срамные части тела на показ средь бела дня. Выбираем, выбираем выражения! Самое подходящее время ебёна мать! Мы всегда недостаточно осторожны! Вернём уважение к невинным, плачу дев, слюне недоносков! И вот нам новая Лотарингия! Пфальц! Польша! да что там! непобедимый дух! триумф! слава наших полоумных армий! дух жопоприношения! Они вернут Лозер, наши маленькие пехотинцы, рот на замке, заодно и израильскую герцогиню, всех министров, все прелести, настоящий анисовый предвоенный аперитив, всё, что есть самого чудовищного в "как раньше"... они вернут вам старую добрую свистопляску, подопрут собой Ганновер! потом Мюнстер! eccetera! Мы свяжемся с русскими! Мы приготовим им Наполеона! Мы добавим в котлы Кремля! Прекрасно! Прекрасно! Просто охуеть! Ура всем нам! жареной картош-

ке! Раскопаем Карла Великого! прокатим его на такси! Он сохранит нашу добродетель, сдержанность, менуэт.

В моё время не особо считались со скромностью, подходом и приличиями... Разумеется, это не заходило слишком далеко. Не дальше Остенде. Скажи "дерьмо" — и ты победитель, скажи "чёрт" — и тебя услышат. Это ужасно! Доказательства есть, а деталей нет. Я ушёл в отставку, как и многие другие, я настойчиво преследовал французскую армию от Безона до Ла-Рошеля, но я так и не смог её догнать. Я шёл за ней буквально по пятам. Я покинул Курбевуа утром 13-го числа. Я хотел увидеть её собственными глазами! Пятую колонну! Послушайте меня! Я оказался меж двух огней! Между огнём и тылом, если быть более конкретным!

Я не знаю, как в таких случаях можно говорить о каких-то декретах. Я выехал с маленькими девчушками, я расскажу вам об этом позже, на свежую голову, дней через десять... и их бабушкой в небольшой машине скорой помощи. Я как мог, оберегал их молодость от самых ужасных опасностей (Об этом будут говорить на моей могиле)

Хотите верьте, хотите нет, но мы ехали так

быстро, как только могли, чтобы угнаться за французской армией, дорога за дорогой, зигзаги, со скоростью болида, но куда нам было угнаться за ней, за французской армией. Того гляди, колёса отвалятся. Вперёд мотора летят! Ох! благоразумие на первом месте! Ох! Жандармы снова стали людьми! мандраж! спасайся кто может!

Я видел, как 40-тонные танки подгоняли наших сирот, бросали нас на рапсовых полях, чтобы ещё быстрее смываться в убежище, дрищущий от страха, ревущий точно буря металлолом. Под суд болванов! Передряга 71-го года, за которой последовало 40 лет позора, была настоящим подвигом на пороге последнего кульбита. Такое невозможно придумать. Это не подлая измена. Нас было пятнадцать миллионов. Paris-Soir был уже не нужен. В Испании это уже произошло, Испании, которая всегда настаивала на обратном. Она нас кинула!… Берлин и подавно! Какое разочарование! Всё это было неискренне, само собой. Однако мы были свободны…Ох! Этого больше никогда не повторится! Сейчас настала совсем другая эпоха! Теперь у нас только правильная речь, задушевность, настоящая добродетель…

Сплутовать практически невозможно. Мы

искупились и соблюдаем закон. Перечитываю свои книги и чувствую себя моложе. Мне словно десять лет.

*

Эй! Где твоя винтовка?

Она осталась на поле брани!

Это выглядит странно, когда солдаты вдруг больше не хотят умирать. Здесь что-то не так. Не хватает энтузиазма. Поглядите на этих жизнерадостных офицеров, как они волокут свой зеркальный шкаф…

перевозят с места на место своё самое дорогое добро… маленькая подруга… на дражайшем автомобиле … увидим мы их ещё не скоро… в великий день награды… День славы, как и все прочие…А Земля, чтоб её, всё также вращается!…Они исправят это в кино!...Чемпионы мира по войне!... Они всё перевернут с ног на голову!… Вы знаете эту жизнерадостную пловчиху, которая снова и снова прыгает со своего трамплина… и летит вверх тормашками… Они всё исправят для французской армии…От Сен-Жан-Пье-де-Пора до Нарвика… всё вверх тормашками… И всё пойдёт как по маслу! И все будут довольны. Проигравшей

окажется другая сторона. Это то, что нам нужно… это уже сделано!

— Вы ещё кое-чего не видели… всех этих арестантов, которых мы перевозим... переправляем в грузовике…

— Мясо! Я вам говорю! Злополучные! Скот!

Дух!... Для нас это самое важное!...

*

Давайте посмотрим на итальянцев… посмотрим, будут ли они обороняться! В Бардии и в других местах… среди пустыни… отрезанные ото всего… против 200 000 чокнутых… блиндаж за блиндажом… 25 дней… Я вас серьезно спрашиваю… Кто даст больше? Скорее всего, их ждёт неудача, но до чего забавно наблюдать за тем, как они торопятся переплюнуть нас в мандраже… Им ещё нужно отступить от Модана до Тибра и ещё дальше, нужно что-то наподобие Сицилии ’60-х, выпученные от паники глаза и пятнадцать миллионов стариков и женщин с детьми в охапке, все по уши в дрисне от страха и в мокрых штанах от растаявшего бахвальства.

Ну, это случится не сегодня!...Пока мы можем

почивать на своих лаврах!... Со спокойной душой.

*

Всё это просто смешно, всё это уныние среди гражданских, этих поганцев, этих паршивцев, это всё их вина, этих мерзавцев, этих трусливых стервятников разгрома. Это они, это они, это всё их след, их, больше ничей. Пускай-ка они нам кое-что объяснят! как они это оправдают? Почему они струхнули?... Почему они не стали героями?...

Может, сначала стоит договориться... Кто должен защищать Францию? 20-тонные танки или старики? Полоумные психи, малолетние недотёпы, сопливые молокососы, осторожные мобилизованные или пулемётный расчёт? Ах! Это ещё не ясно... Мы с вами так никогда не договоримся. Здесь какая-то путаница, экивок, давайте начистоту...

Французская армия обходится недёшево, 400 миллиардов за 8 месяцев игры в белот и месяц отступления... Налогам нет конца...У них был резон, у гражданских, во что бы то ни стало сделать ноги. Они тоже не хотели помирать. На линии

фронта они только мешали вести бой, если бой вообще начинался…Это дело военных — быть готовыми к тому, чтобы остановить противника и умереть прямо там, не сходя с места, с выгнутой грудью, лицом к гуннам, а не спиной к ним, сверкая пятками. Если бы они так не торопились, было бы меньше пробок. Это понятно и без школы войны. Армия, задающая стрекача, это не армия вовсе, это ураган кишечных газов. От Мёз до Луар, это было нечто непотребное, единогласное дристание. Кто наделал больше куч? гражданские или военные? Нет повода развешивать флаги, изображать высочайшее презрение, Сципион нагадил-в-штаны-и-слинял? Больны все до единого, больны никудышностью, фанфаронством, патологическим страхом смерти. Всюду памятники умершим, мы совершили много ошибок на войне. Страна превратилась в шавку, в кучку крестьянских балбесов, танков-тартюфов, которые не хотят умирать прямо на месте. Как попало! Есть! чтобы выделиться? здесь! Исполнить?… Недоразумение!

Все балерины, которые запороли танец, валят всё на свою пачку. Все военные, которые едва стоят на ногах, вопят повсюду, что их подвели. Это всё мужество, это оно подвело, оно всегда

подводит человека. Они все хотят сыграть свою роль, проехать через Бранденбургские ворота, хотят, чтобы их носили на руках, хотят сбрить усы негодяю, но не хотят подыхать за свою нацию. Они её знают как облупленную, свою нацию. Всюду сволочь и соучастники. Всюду личные враги! Прошу прощения, а как же послевоенные годы? Кто же будет ими наслаждаться, если не мы? Хитрожопые проходимцы! Кругом только тявкающее дурачьё! Послевоенные годы — это самый прекрасный момент! Все хотят жить в них! Никто не желает приносить себя в жертву. Все хотят прибыли. Вкусной нуги. Разумеется, люди всё равно погибали! это были жертвы неосторожности. Это ничто по сравнению с миллионами, с самоотверженными мучениками, которые окочурились с наивным сердцем с 14-го по 18-ый. Черт возьми! Конечно, у нас была и череда грёбаных неудач, о которой мы со стыдом сожалеем, это те 800 000, которых там укокошили.

*

Дела у нас, конечно, идут не очень… Положеньице совсем незавидное… однако нас подвёл не оптимизм… уж им-то нас славно попичкали… целые потоки, настоящие циклоны этого

оптимизма, самого отборного, громыхающего из каждого радиоприёмника, дошедшего до исступления в каждой газете, воркующего в каждой песне, мечущего молнии в суде.

Если бы всё дело было только в болтовне, мы бы уже давно правили миром. Уж что касается фразёрства и самоуверенности, тут нас никто не превзойдёт. Чемпионы мира по хвастовству, одуревшие от общественного мнения и непомерного чванства, Геркулесы пустозвонства.

К примеру: Мажино! Отклик: Гений расы! Кукареку! Кукареку! Вино ударило в голову! Мы не пьяны, мы уверены! В колонну по четыре! И пускай всё начнётся заново!

*

Тем не менее, есть огромная разница между 14-ым годом и сегодняшним днём. Тогда человек был ещё простоват, теперь он стал хитёр. Рядовой с усиками шёл туда за деньги, а сейчас он ушлый, как сам чёрт, лукавый, скрытный фигляр и первостатейная сволочь, он блефует, он бросает вызовы, он никому не даёт покоя, он важничает, но за деньги он туда больше не идёт. Он больше ничего не понимает. Он чревовеща-

ет, он пускает газы. Он такой же проходимец, как и все. Он подлец, с самого рожденья, этот пролетарский тартюф, самый омерзительный среди всех людей, плод цивилизации. Он строит из себя сирого и убогого — ничего подобного! он редкостная гадина и заводила, бездельник -доносчик, лицемер. Засосный братец буржуазии. Он клюёт на любую приманку, ему состряпали теорию, он ещё не разобрался в её деталях, но он уже знает, что всё кругом прогнило, что ему незачем изучать самого себя, что он никогда не станет пройдошливым настолько, чтобы попасть в дамки, что он всегда будет болтаться где- то в хвосте, рядом с остальными и терпеть. Это оппортунизм подонка, который только берёт и ничего не даёт взамен. Второсортный анархизм. Он законченный подонок, который отправляет других на войну, который заставляет отступать батальоны, который мнит себя пупом земли, выход на пенсию — это смешно! иприт — это полезно!

Во имя чего солдаты должны погибать во всех этих боях? Он любит валять дурака, ему нравится сцена и аплодисменты в цирке, как всем дегенератам, но умереть — вы уж извините! ни за какие коврижки! Об этом мы не договаривались. Мосье навострил лыжи. Пускай театр горит синим пла-

менем, он умывает руки! Это не его забота!

*

И прежде всего, самое главное - командиры тоже не хотят умирать. Обратите внимание, что все великие деспоты, президенты, видные деятели, короли, принцессы, все драпают, все удирают в укрытие, едва только в воздухе запахло жареным… Молниеносное бегство. Никто не готов рисковать собой. Спасай шкуру, это великий шухер! Даже во время самых остервенелых призывов, даже во время кровавого безумия, они никогда не теряют из виду свой “Shell”. Это их Мадонна!

Они не такие олухи!

Что касается обещаний! Микрофона! Вот это игра! Всё, что пожелаете! блестящий текст! Для них всё это тоже театр… Для всей этой нарядной вереницы от Рас Тафари до Рейно… Сколькие становились бледными, когда приходило время платить по счетам? Вы можете их сосчитать. И это, разумеется, ещё не конец.

Спектакль непрерывен… Кому вы готовы верить? Какому шуту?

Вы только послушайте, что нам сказал наш Рейно:

“Мы победим! дорогие патриоты, я в этом до усрачки убеждён! Потому что мы, мы самые сильные! Барабан! Барабан! Ёб вашу мать! Я в этом совершенно убеждён, в том, что я останусь с вами, мои дорогие! Мы защитим её, французскую землю! Нашими собственными костями, если это потребуется! Самую чудесную, самую красивую, самую и так далее! Никаких мандражирующих полудурков! Победи или умри! Обнимемся! И приступим! Решено! Я образец! Я пример! Потомок Ахиллеса! Пылающий костёр сердец! Сплотитесь вокруг моего микрофона! Если кто-нибудь отступит хоть на шаг на пути от Сомма до Рейна, я сожгу себя заживо! Тотчас же! На месте! за моего Луи XIV! Я не перенесу такого позора! Я покончу с собой в рабочем кабинете! Вы меня услышали, черт бы вас побрал! Вы все будете вспоминать мой труп!... Как можно жить в стране гнилых солдат!... недобитых! дрищущих! грязных собак! которые прячутся

под юбками! Я больше так не могу! Я всё сказал! Я! Министр войны! Шуточки кончились! Трубите в горны! Стучите в барабаны!”

Вот это были бы Эпинали! фрески для подкачки героизма! Но, увы, теперь, когда начинается очередной крестовый поход, мы рассуждаем уже совсем не так!

“Shell and Safety!”... and “Safety first!”[1]

*

“Эта ложь причинила нам столько вреда”

О Софи! Это преступление! Сколько они подняли на нём, все эти ростовщики! разбогатевшие! разжиревшие, зажравшиеся! сияющие от радости! А теперь они воротят от него свои носы? Но они не способны зарабатывать чем-то другим! Эти выблядки могут продавать только то, что воняет! их читателям не нужно ничего другого! Их вкус сформировался!

Каким ремнём их нужно пороть, всех этих собак, чтобы выбить из них всё еврейское дерьмо? чтобы сделать из них людей? Указать им их место! всюду сующим нос, пресмыкающимся, единодушным! Я хочу поговорить о газетах, читателях, романах, радио, обо всём остальном. Одно гнильё — что еврейское, что антиеврейское,

---

[1] Примечания: 1

"Укрытие и безопасность!" ... и "Безопасность в первую очередь!"

одни шарлатаны, подлецы и сообщники! Какая добыча для масонских собак и всех связанных с ними педерастов. Тартюфы-крестьяне в бабских трусиках, тартюфы-нотариусы, великие авторы!

Рука об руку, идёт торговля академическим, стилизованным дерьмом. Чистка башмаков в любых жанрах. “Кто однажды чистил обувь, тот всегда будет её чистить”. Кого бы завтра ни принесло — татар, валахов, остготов — ни масть, ни размер башмаков не имеет значения, лакеи всегда тут как тут. Нужно только свистнуть, и вот они уже бегут со своими маленькими материальчиками:
понятия, здравый смысл в каждом жанре, виртуозная диалектика и мокрота.

Всякий, кто не желает лгать — позорится, преследуется, облёвывается с высоты, ненавистен до смерти. Никто не говорит о том, что мы изо дня в день гниём всё больше и больше, всё более и более изощрённо.

Я вам всё выскажу, вы, банда выродков, ваше место — в аду! Лживое говнишко! Критики искусства! и это уже потихоньку начинается! Это моё маленькое утешение. Билеты вам не понадобятся! Пыток хватит всем! евреи и лакеи! предательские

земледельцы! арийцы-изменники! прокажённые северо - африканцы! сбрендивший бомонд! все в одной куче! одна падаль! на медленном огне!... на огромном вулкане! в вихре правды! оледеневшие! стёртые в порошок! под небольшими саванами... бесцветный порошок... дуновение небытия...

*

В общем, война продолжается, но теперь мы воюем без риска, без оружия, без снаряжения, они нам больше не нужны... в залах кинотеатров... В Мёз ни души, зато "Tarapout" битком набит. Война сумасбродов: побздеть в потёмках, побузить в общественном сортире — и достаточно. Настоящий французский героизм. Вот она — храбрость подонков, метисов, храбрость евреев, у которых на уме одна желчь, прибыль и мутная озлобленность базарной бабы. И кто, я вас спрашиваю, платит за это паршивое дерьмо? Сами пленные! Это конец! Но маленькому французику на это начхать, ему бы только повыкобениваться. "Маленький выпендрёжник, маленький упрямец, маленькая заноза в жопе, крутой тип".

— Ты только глянь! Ортанс! Ах! Ты только глянь! ты видела это?...

— О чём ты, мой маленький Мимиль?

— На бульваре Мажента!...

— Что?...Что?...

— Ты только погляди! Фриц!

— Ах! Кто же нас от них избавит!...

— Я подойду к нему сзади...И знаешь, что я сделаю: Да здравствует Де Голль! Грязная свинья! Да здравствует Де Голль!

— Вот это да! мой Мимиль! Да ты настоящий разбойник! но всё же...

— Мне на них плевать, говорю тебе! Мне на них плевать...

— Мимиль, ты меня пугаешь!...

*

Чего они стесняются, эти англичане? Как это глупо с их стороны! Французы согласны на всё, их воодушевляет мысль быть разбитыми, раздавленными, разорванными на куски живьём... Им это доставляет удовольствие... Дакар... Дюнкерк ... Либревиль... Мерс-эль-Кебир... Крыжополь!... Пускай берут что угодно! Да здравствуют банки!

Да здравствует король! Антильские острова!... Индия!... Мендоса!...

Бабская, озлобленная, вздрюченная страна... любовь жестока... пустить ко дну весь французский флот!... Сделаем им подарок!...

Канары!... Дева... Ньюфаундленд... Канада!... А Корсику они не хотят?... Но как же так!... Дело вовсе не в географии!... Не в ней!... А в наслаждении!... Наполеон! Фашода!... Нужно лишь доставить им удовольствие! И наша честь восстановлена! Да здравствует королева! Да здравствует мадам Симпсон! уничтожить наши соборы!... Да здравствует английский Бог! Мы будем рады холере, лейшманиозу, ящуру, шанкроиду! Это восстановит нашу честь!... Только бы это раздражало немцев!... Ах! мы просто засияем от счастья!... мы потеряем рассудок, это так по-женски!... Это эротично... Если бы они стали нас бомбить, мы бы кончали под их бомбами. Ох! какой экстаз! настоящий транс! Мы были бы счастливы, как все жители Лондона!... Мы бы встали в очередь в подвал... Это бы восстановило нашу честь!...А если они пустят газ? Тогда бы мы остались ещё охотнее! Безумное наслаждение! Мы на седьмом небе! Вот где бы они хотели нас видеть! Вот что

вывело бы немцев из себя!... Мы бы понаделили дырок в их противогазах... Они бы не знали, что происходит!... Ох! Боже мой! ох, только не это!

Вот это была бы потеха!...

Мы б смеялись день и ночь!...

Под веселящим газом умереть от смеха!...

За Палату Лордов мы не прочь!...

*

И не баба, и не мужчина

Тот, в ком нету чертовщины

(Пословица)

Вашингтон не любил евреев, зато Рузвельт их просто обожает, это их человек, вне всяких сомнений, он им ни в чём не отказывает. Он втягивает в войну всё и вся — С.Ш.А., континент, Луну.

Ему насрать на всё с высокой колокольни, он наслаждается жизнью, он уже в возрасте, он развлекается. После меня хоть потоп! Второй Людовик XV. Но это ненадолго. Я вам говорю, не пройдёт и 20 лет, как на месте Бродвея будут пастись козы. Будет вам тогда музыка... Французы ни о чём не подозревают, как это представляется

Америке. Они строят воздушные замки. 40 миллионов белых забулдыг под еврейским началом, как следует разложившихся, омерзительных, и 300 миллионов метисов, в основном негроидов, которым только дай всё уничтожить. Плюс злоба желтых.

Достаточно лишь приоткрыть двери Катастрофы, и вы увидите настоящую корриду! Второй Карфаген, ещё более скотский, чванный и прогнивший. Оголтелая анархия! Мир, спасённый братьями Маркс! А вот мультфильм о нас! В другое время было бы над чем посмеяться! А сейчас есть от чего рвать на себе волосы! Будь я проклят!

Да поможет нам Утка Феликс!

*

Белое население в Соединённых Штатах уменьшается.

Нью-Йорк, 1-ое февраля.

Исследование, проведённое американским статистическим бюро в период между 1939-ым и 1940-м годами, выявило весьма тревожные тенденции.

Последняя перепись показывает, что белое население Америки уменьшилось на 5%, в то время как численность цветного населения выросла на 7%.

Les Nouveaux-Temps, 2-ое февраля 1941.

Я предсказываю, что через сто лет белые в Нью-Йорке будут жить в резервациях. Негры будут ходить в Новый Гарлем, чтобы посмотреть, как “бледные” танцуют польку.

*

Довольно лицемерия!

Французы мечтают о министрах…

О каких же министрах они мечтают?

Председатель совета министров. Де Голль.

Военный министр. Рейно.

Министр иностранных дел. Энтони Иден.

Министр финансов. Никто.

Министр внутренних дел. Мандел.

Министр морского флота. Еврей. Любой.

Министр воздушного транспорта. Журнал “Le

Petit Sou”.

Министр юстиции. Маршандо.

Министерство здравоохранения. Сироп от кашля “Vosges”.

Министр путей сообщения. Больше нет.

Министр беспомощности. Дед Мороз.

Министр коммуникации и связи. Сент-Одиль.

Министр информации. Женевьева Табуи.

Кто самый выдающийся политик во Франции со времён Луи XIV? Раймон Пуанкаре! Он знал наши права. Он защищал дело Франции в среднем каждую неделю. С ним было бы ещё не поздно. Он никогда не сдавался, он выигрывал всегда.

Будь он жив, всего этого бы не было.

*

Чтоб они все передохли, эти лицемеры! Почему французы говорят, что они не хотели войны? Ещё как хотели. Они все были за Деладье в момент декларации, равно как и за Клемансо, а после и за Рейно, и так далее и тому подобное!... КУКАРЕКУ! 800 000 мобилизованных! и все писатели вместе

с ними! и все журналисты! Вот вам вся правда.

Они не хотели войны? Всё было легко и просто. Они могли бы написать письмо, каждый, своему депутату, что они не хотят этого, этой войны, что они не хотят её ни под каким предлогом, за исключением “casus belli” со стороны Германии. И ничего бы никогда не было.

Каждому из них это обошлось бы в один франк. Это был бы хороший вклад, это была бы настоящая демократия. Я думаю, что все прекрасно отдавали себе отчёт о надвигающейся войне, что мы все были предупреждены в сто, в тысячу раз больше, чем в 14-ом! мы всё прекрасно сознавали! Сейчас бы мы все уже были дедушками, жили бы тихой жизнью, счастливые и так далее и тому подобное. Но нас обвела вокруг пальца, умышленно, сознательно, банда законченных идиотов.

У нас бы не было пленных. У нас была бы хорошая армия, которую бы боялись, которая бы вселяла страх, Мажино стояла бы нетронутой, мы были бы хозяевами положения, мы стали бы вождями Европы, обожаемыми, уважаемыми, любимыми и так далее и тому подобное.

*

Все французы — голлисты, за исключением редких чудаков. Де Голль! они буквально падают в обморок. Шесть месяцев назад с ними делались припадки, когда им говорили об англичанах. Они хотели всех их утопить. Они были за Фердоннета. Теперь они все за Альбион, с Альбионом, под Альбионом… Что может быть ещё хуже? Говоря по существу, мы превратились в банду макак, бесхребетных мудозвонов и впавших в маразм жалобщиков. Французы больше не знают, чего они хотят, они только скулят. Дерут глотку! И всё! Кончится это тем, что они дождутся! Требуйте! Чёрт бы вас пробрал! Таков закон! Величайший сговор! Они неплохо усвоили еврейские иеремиады!

Вам надоели англичане? Скулите!...

Вам надоели руководители? Скулите!

Вы хотите переделать Польшу? Скулите!

Палестину? Камчатку? Булонский Лес и Персию?

Скулите громче и громче!

Вам нужна картошка? Луна и пачули? трёхколёсный мотороллер? лангуст? Скулите! Вы не оглохнете…Скулите громче!

Чтобы положить конец революции, дайте им

маленькие молитвенные барабаны, и чтобы всё было написано, все жалобы, чёрным по белому, все надежды, все требования… как на съезде Лам… они бы вращали их прямо на ходу, идя в процессии, чтобы всё свалилось с неба… Каждый со своим маленьким барабаном и вечным требованием… Представьте себе этот чудовищный базар, мы не смогли бы больше думать ни о чём другом…

“Я сознательный человек!... у меня есть права!... у меня есть права!...” Рррррррррр! Рррррррр! Ррр!... “Меня угнетают!... Я хочу всё!...” Руууууууууу!... РрУУУУУУУ!...

Это бы всё решило… Люди были бы по-своему утешены. Мы не смогли бы вставить и единого слова. Это Рруууууууууу заглушило бы всё…

*

Присутствие немцев невыносимо. Они очень вежливы, очень тактичны. Они ведут себя как бойскауты. Однако мы их просто на дух не переносим… Почему, я вас спрашиваю? Они никого не оскорбили… Они отбросили французскую армию, которая только и ждала того, чтобы смотать удочки. Ах! Вот если бы это были евреи, то мы бы

целовали им ноги…

Представьте себе армию пархатой заразы, которая пришла, скажем, откуда-то издалека…У нас были бы полные штаны от радости! Нескончаемые восторги! Вот чего не хватает французу — еврейской указки, ему не нужна никакая другая. Он умрет от неё радостным, чуть позже я расскажу вам, как. Он проклят, он обречён. Всё остальное — пустые слова.

*

Буржуа видит в де Голле “Royal Dutch” и “Suez”. Он говорит себе — вот человек, который находится у источника жизни! Генерал Фортуны! Он вернёт нам всё как было раньше. Он наведёт у нас порядок! У нас снова будет полно бензина, мы снова будем гулять по воскресеньям, будем вдосталь пить и есть, будем смеяться до посинения под сенью рощ, наслаждаясь анжуйским воздухом, и тогда наша гордость поднимется до самого неба в виде чудесного запаха хорошенько набитых кишок кавалеров Ордена Почётного Легиона.

*

Поговорим о пресловутом “сближении”, внезап-

но ставшем алиби, кошерным куском говядины для евреев и франкмасонов.

Всех остальных затыкают, за исключением нескольких индивидов, жалких, безобидных психопатов, вроде меня, которые машут шутовскими жезлами и памфлетами, детскими свистульками и бубенцами. О серьёзных вещах говорят только евреи.

***

Поговорим о приметах масонов и евреев. Я знаю гоев, которые выставляют их напоказ. Их успех невообразим. Их заработок удваивается! утраивается! Триумф!

А нам кукиш с маслом! чёрта лысого! круглые глаза!

***

Настоящее “сближение” — это работа вместе, без обмана, без кривляний, строгий порядок и методичность, воссоздание Европы.

***

Хватит с нас этого анархического балагана, восхитительных, неопровержимых, ошараши-

вающих, волшебных, чудесных уловок, нужных чтобы всё запутать, запороть, загадить: “Оккупация… репрессии… истерзанные сердца… правый гнев… духовная смерть и т.д.…”

Тартюф-патриот — это тот ещё тип!

*

Их бесит присутствие немцев?

А присутствие евреев — нет?

Никогда не было столько евреев на улицах, никогда не было столько евреев в прессе, никогда не было столько евреев в бюро, никогда не было столько евреев в Сорбонне, никогда не было столько евреев в медицине, никогда не было столько евреев в театре, в опере, в промышленности, в банках. Париж, Франция, мы никогда не были отданы под власть настолько наглых масонов и евреев. Никогда не было столько лож за кулисами, настолько активных, настолько решительно настроенных не уступать ни пяди своих владений, своих привилегий работорговца белым мясом, как в военное, так и в мирное время, вплоть до самой последней конвульсии последнего несчастного коренного жителя. И французы всем довольны, со всем согласны, пол-

ны энтузиазма.

Подобный кретинизм превосходит понимание. Это фантастическое отупение обнажает инстинкт смерти и притягательность братских могил, тяжелейшее извращение, которое можно объяснить лишь тем, что наша песенка спета. Рок свершился, и Дьявол прибрал нас к своим рукам.

*

Как формируется мнение? Очень просто, оно формируется в Париже. Как формируется парижанин? Очень просто, он приходит из деревни. Одним прекрасным утром он появляется перед вами с маленьким чемоданчиком, телегой яблок. Вот он стоит на мостовой. Еврей уже тут как тут, со своей прессой, своим радио, поджидает его. Он сделает из солдатика парижанина, ошеломлённый солдатик — это уже сложившийся человек. Первым делом гениальные лозунги! И вот он уже не простой хуй с горы, а важная персона, стоящая на асфальте в освещённом городе, он стал объектом любви и возбуждённого внимания. У него есть “вкус”, который ему приказали иметь, чутьё! утончённость! Его врождённый гений! разве он не пуп земли! его в этом уверяют, ему это объявляют в экстра-специальных изданиях,

огромных заголовках, с бенгальскими огнями, неоновым освещением! чтобы он весь растерялся, раздухарился, развоевался и всё остальное. Через неделю его уже не узнать. Головокружительные способности! Шедевр двадцати двух столетий! Уникум — это он, и никто другой! Вокруг него одни дикари! Ничтожества… презренные, отвратительные, хвостатые народы…А его кочан варит! А то! Самоуверенный, как Боккадор! Апофеоз! Квинтэссенция! обыкновенный француз, редчайшим образом одарённый малый, могущественный и находчивый принц! Второго такого днём с огнём не сыщешь! Его достаточно немного подпоить, оглушить в кино, заставить сходить в Фоли, пускай он очертя голову пустится во все тяжкие, пускай продаст душу за парочку чарующих сисек в угаре хуестояния, и всё, он готов, он тает на глазах, без ума и памяти, путая север с югом, право и лево… Он забыл свою колоколенку, свои одуванчики, свою одноглазую козу, он пропал. Крестьянин, отвергнутый собственными коровами. Бедный, как церковная мышь, он мнит себя вооружённым до зубов! он бредит на всю катушку! он бросает вызов всей Земле! Америке! он вызывает на дуэль зенит! он целится в Луну! Он пересёк её вдоль и поперёк!

Он превратился в чёрт знает что, на него нельзя смотреть, его нельзя слушать, не краснея. По нему плачет смирительная рубашка, он настолько осоловел от всяких глупостей, что окончательно потерял чувство юмора. Он уже не знает, что он делает и что не делает. У него остались только неясные намёки, наброски, клочки, он больше ничего не может предпринять, он больше ничего не понимает. Он потерял свои корни. Он — жертва пропаганды, мокрая, полинявшая, но хвастливая тряпка. Он идёт на поводу у своих причуд, туда, куда ему подсказывают еврейские лозунги.

Поддержать французский дух несложно — доставьте удовольствие солдатику, хвастливому, сварливому зубоскалу. Французская самоуверенность — это уродливый симбиоз солдатика и пархатой твари.

Солдатик огорчает всё больше и больше, изнемогший, шатающийся, скрытный.

Это продолжается уже давно, Табарен поджидает солдатика, чтобы промыть ему мозги, втереть очки, загипнотизировать его до смерти, едва только тот покажется в городе. Уже в 1580-м Табарен поджидал молодчиков на мосту Пон-Нёф.

Францию погубят её провинциальные снобы, мебель из розового дерева, “trousers” и лакированное туфли на намозоленных ногах.

*

Попробуйте понять, чего они хотят? Чего они хотят?... Они сами этого не знают! Все эти радикалы! Чего? Монархии? “как было раньше”? Социализма? Фаланстер? Гражданской войны?

Александра Дюма в диктаторы? Комитет Маскюро? Леона Блюма? Рейно? Иезуитский орден? Пропорционального представительства? Игры в лото? Великий Могол? Чего они хотят? Они сами не знают… Они всё запороли, провалили, изгадили, выблевали тысячу, десять тысяч раз, и всё, до чего они дотрагиваются, уже через пару дней превращается в то же самое — в блевоту, в грязь.

Они хотят остаться никчемными, разбитыми клячами, жалкими пропойцами — и больше ничего. Другой программы у них нет. Они хотят требовать своих прав везде и на всё — и больше ничего. Кругом одни руины. Они доконают страну своими правами, верховными правами, правами на ничто, правами на зависть, правами на голод, правами на пердёж.

*

Кто победит: я или ты!

Растиньяк

Но не будем забывать об элите! Она есть! Чёрт её дери! Она есть! Откуда она появляется? Она появляется из той же деревни. Она пришла, чтобы посвятить себя... впитать в себя парижскую атмосферу, изысканность, проницательность, утончённое понимание… элегантность, которую невозможно сымпровизировать… Что такое посвящённость? Это мастерство: “ого-го!”... Это не так просто, как кажется… Это целый жизненный путь, испытание… Сперва нужно пойти в школу. Запрыгнуть в лодку.

Плавание начинается!... Сдать экзамены… Разобраться в географии… алгебре… агрономии… вдолбить в себя пандекты… Политическую науку… Знать назубок историю Франции, разумеется, еврейскую, масонскую, гнилую, с душком, от и до поддельную… Получить учёную степень… И эта сволочь уже кое-что кумекает, ебанушка с погремушками… азами хамства… простейшего скептицизма… и без того уже не самое храброе сердце осторожной и опустившейся расы

затвердевает ещё больше ... уменьшается до сморщенного кошелька, в котором водятся не одни только грошики... спасибо равнодушному и рациональному обучению по бумажкам... И вот она перед вами — юная элита, готовая к погоне за прибылью, надёжно защищённая от собственной молодости, от горячности своего возраста... сохранившая мораль своих маман и папа... ужас перед естественностью... стыд перед пожертвованием...

Вот она перед вами — юная элита, готовая к погоне за прибылью... Первоклассная корзина яблок... Монтэнизированный деревенский сноб... в сотню раз более жадный, чем его предок, который сам был тем ещё фруктом... палец ему в рот не клади... Теперь его сынок вдыхает городскую жизнь... Глаза завидущие, руки загребущие. Он входит в сношения, посещает салоны, ложу “Косматая борода” (входящую в Брит-Брит), два или три модных бара. Он принят в обществе! Теперь он настоящий "ого-го"! Манеры, интеллект! Ах! Головокружительные люди, чьи сердца бьются только во имя лайнера “Persic"! и ещё два-три “тука” за оргию на празднике маклеров фондовых бирж! Ох! Это просто божественно! он погружается в самое сердце утончённости! с опьяняющим

комфортом, амбровыми ароматами, претенциозными меню, браслетами ювелирной работы! Хаммамы, посольства, горячая вода, Лига Наций... он обсасывает чудовищные тайны…Вообразите последствия! Бедолага буквально слепнет от всего этого… Он уже не знает, чем ему заняться… Он больше не говорит о своей супрефектуре… Он надувается как пузырь, когда думает о высшем свете… о золотых воротах, которые он перед ним откроет… о своей невнятной просвещенности… о том, насколько он свободен… насколько он уже превзошёл своего папашу… Он думает только интернационально…о “критериях ценности”… о “низости презренной черни”… Гигант мысли!... Варвары ничего не понимают!… недоумки, паршивые голодранцы… гигант духа… он тут как тут…А дела мистера Бенда? Он уже готов принять в них участие!... Для еврея никогда не бывает слишком много обещаний, слишком много любовного смущения, слишком много реверансов и согнутых колен…Еще два-три задания в ложе… несколько положительных отметок от Его Преподобия… и сынок попадает в элиту…Он берёт приступом два-три салона… Но он должен быть начеку!… Чтобы не сесть в лужу… Катастрофа! если он разочарует гениев, которых

посещает!...утончённых принцесс…Сару Бурбизоль-Кудегонд, урождённую Швоб-Арзинкурт и блистательного Дюранд-Хана, второго Монтэня в Сорбонне… который скептичен настолько, что больше не спит… кудесник казуистики, он ест хлеб и производит дерьмо!... Пускай все удивляются… во что превращаются знаменитые тезисы, когда они выходят из его заднего прохода… Вот как работает эта элита!... Наш маленький элитный дружок должен бдить, иначе свора собак разорвёт его на куски!...Ах! Ах! Внимательнее! “ого-го” или смерть! “Ого-го”!… пренебрежительность, полуотвращение и четверть улыбки со скепсисом по отношению ко всякому, кто не является пархатой заразой…Здесь тоже полно нюансов… шевели губой, но знай меру… ни Маммон, ни великая золотая Кака не любят слишком назойливых… холуй должен уметь работать губами. Разумеется! с умом!... со знанием дела!... Это обязанность, это привилегия, гордая защита каждой деревянной табуретки. Он может стать видным финансистом, превосходным знатоком фосфатных удобрений, новатором в области разведения свиней и авторитетом в выращивании свеклы, но будь он хоть Архангелом Михаилом в дорогих штанах, это не принесёт ему много

пользы, если он не будет “ого-го”. О безжалостная дискриминация! О суровое испытание!

И что нужно делать, чтобы стать “ого-го”? Нужно шлёпать своими губами по поводу и без повода. Это своего рода калоизвержение изо рта на первого встречного и поперечного, если у него на лбу не написано, что он жид, ненаглядный семитский говноед. Тогда, внимание, — медные трубы! превосходные степени! напыщенность! если речь идёт о больших замыслах… об изящном остроумии жидовского кабаре… бунтарь негроид против арийцев… о газетах, в которых нет ничего путного, одни вздохи… о фотографиях настоящих друзей… Мы отлично пониманием друг друга!... Браво! настоящий провансальский еврей! покладистый! и с каким пгоизношением! восемнадцать! двадцать пять раз французским! а какой талант! в двести пятьдесят раз больше, чем у вас!...Новоиспечённый лауреат Гонкуровской премии!... освобождённый от воинской повинности!...естественно!... И балет в опере?... и хороший вазелиновый тон!... Ах!... Это роман изгнанника!... Это правительственные пересуды... Это Виши... Осторожно… чуйте ловушки! Будьте начеку! Угадывайте их издалека!... Позвоните на улицу Каде… в новый дом, на другой стороне Пети Пале...

Наведите справки и вперёд! Это глумление, этот скептицизм, эта надменность и аретиновское презрение - они сотрут вас с лица земли одним словом, если от вас не фонит жидом и его навозными доносами...

Вы уверены? Тогда смело вперёд! Шевелите, трясите губой! Выражайте своё мнение! Живее! Живее! Ого-го! Ого-го! Шевелите губой! У вас отлично получается! Вы идёте столбовой дорогой! Одним махом вы перепрыгнете сразу три ступени! три ступени храма! И двенадцать гробов вашей ложи! Вы уже близки к своей еврейской будущности! Нужно только разочек шевельнуть губой! в подходящий момент!...Мы за вами следим... мы за вами наблюдаем... повторите это упражнение сто раз... да что там сто раз? тысячу, сто тысяч раз! шевели губой снова и снова!

В этом смысл всей вашей жизни! Вы не просто так раса холуёв... в вашем возрасте это было бы достойно сожаления! Вперёд! пресыщенность... опыт... сморщите немного нос... вот так... ноздри... вы культурный человек... знающий, в чём соль жизни... вы скептичны до мозга костей... даже раздражены... покачайте головой, если необходимо... изобразите пренебрежение...

больше пренебрежения!...слюнявый паршивец! полудохлая французская псина... ваш двойник... Ах! откуда он вылез, этот обормот? Он просто родился здесь? Он не женат на Рахиль? У него нет масонской степени? Ах! это преступление! неслыханно! придушите его! Верёвку! Уничтожьте эту свинью! все его поползновения — сущая грязь! Смотреть тошно! И дело с концом! Пойдёт на удобрения! Хватайте его, мои коварные братья! рвите добычу! Не стесняйтесь! Вдова вложила оружие в наши карающие руки! Войте от ужаса! И все вместе! Изничтожьте это паршивое отродье! пускай ничто не останавливает вас! Превратите его в фекальное месиво! в коровью лепёшку! Прибей своего брата! Вот он — долг француза! иначе вы никогда ничего не поймёте! Вот в чём настоящий патриотизм и свобода! Двух зайцев одним ударом! Десятерых зайцев! Целую тележку! Пускай больше не показывается! Ах! и никаких промахов! Смотрите в оба! Ваша карьера держится на волоске! Никогда ни о ком не пишите, что он стоящий человек, если он не оккультист!... Вы останетесь говном до конца жизни!... Вас подвергнут остракизму до самой смерти! Без малейшего права на помилование! Это намного ужаснее, чем инцест! “Натолкнулся

на славного коренного жителя”! Я ни о ком не отзываюсь хорошо, только о евреях. Это совершенно немыслимо!... Это тягчайшее преступление!... Это перечит самой натуре французов… Они никогда не решатся на такое. Они бы упали замертво прямо на месте… от ужаса, от позора… не хай своего брата по расе? Это что-то новенькое! Для Франции это бы означало конец!...

Ох! Следите за губами! Ох! всё должно быть коротко и ясно! беспрекословно и исполнено гадливости! Ах! перечитайте мою критику! Вы ещё раз получите огромное удовольствие, цитируя только меня…ого-го! ого-го! и ещё раз ого-го! До фанатизма!... очень точные лекции для всех!... Что следует говорить… и чего не следует… уважать… кусать… чернить… поливать дерьмом… Нужно лишь выбрать тон и вперёд…И всё пойдет как по маслу… вас раздует от нуги и успеха! Вам это не помешает быть пустышкой, но у вас будет авторитет и вас больше никто обойдёт. Вы войдёте в совет ордена. Поверьте мне на слово, маленький негодник. Вы станете судьёй над другими, раз и навсегда, и самой разважной шишкой, вы окажетесь на стороне победителей, в политике, искусстве и финансах, выдающийся губошлёп и внушающий страх ОГОГО… Вы будете

диктовать погоду в Татерсаль, равно как и на улице Круассан.

“Что я знаю?” Я знаю вот что — “стать евреем или сдохнуть”… непримиримым до мозга костей! едва зачуяв французский дух! Вы меня поняли? Замечательно!

Всё для вас — суперотборные места, элитные должности, суперсекретные телефоны, непыльная работёнка, сладкие пироги, настоящее золотое руно, будь вы хоть из Конш-ан-Уша, хоть из Крёза, хоть из Пиздопропащенска, где всегда до жопы соломы и мучных лепёшек, это неважно, вас признают мэтром, суровым и возвышенным главой элиты, если вы будете “ого-го”! Пускай вас выводит из себя всё арийское, пускай ваше лицо заливается краской стыда и негодования от всего нееврейского, пускай это происходит само собой, чтобы нам не нужно было каждый раз просить вас об этом, чтобы никто и никогда не заподозрил в вас какие-то чувства к

нееврeям, кроме отвращения. Трудность вооду-шевляет вас, даже в фольклоре вы немедленно обнаружите повсюду евреев.

Будь я проклят, если вы не одарённый поэт! Какая будущность, мой милый мальчик! Какой

видный ого-го ! Напишите в Н.Ф.О.! Вялый серозный выпот, тусклое слизистое выделение просачивается наружу и неуверенно растекается на две сотни страниц! Божественное усилие увенчалось успехом! У нас ещё один великий писатель!...

Едва бьющееся сердце останавливается. Теперь это не более чем маленький и осторожный кожаный кошелёк с маленьким отделением для фишек. С этим вы больше никогда не будете скучать. Вы больше никогда не будете скучать. Вам будет нужно лишь отмечать новые победы, держать язык за зубами, сговор за сговором, жениться на богатой наследнице, принятой в обществе, и раскланиваться в ресторанах.

Плывите, плывите, мой добрый друг! Вам будут сопутствовать все ветра! Чёрт возьми поднимите все флаги! расцвеченные и вызывающие! Но не шибко веселитесь, это повредит вашему ого-го… Вы перестанете походить на британца… Хладнокровие!...

Хладнокровие власти!...Будьте покойны, как вам пристало… вам полагается восхищать… с ленцой… не спеша…

Вы хладнокровно сочетаетесь браком… вы

хладнокровно совокупляетесь… вы не торопясь идёте к Сфинксу… у вас будут маленькие хладнокровные детишки, без всяких неожиданностей… без фокусов… и всё это благодаря ого-го… у жида за пазухой…

Вы станете частью настоящей элиты, холёной, откормленной, защищённой и всё остальное…Всё становится ясно, стоит только задуматься, немного пораскинуть мозгами…

Жизнь коротка, изнурительна и безжалостна, зачем тратить своё время на что-то помимо ого-го? На что это похоже, я вас спрашиваю? Горе невеждам, вот и всё! Рвать жопу во имя дырки от бублика? во имя фантастических искуплений? или изматывающих крестовых походов… когда нет ничего проще, чем защитить себя и выбиться в люди, всего лишь пошлёпав губами?…

Само собой, этим говнюком нужно заниматься с молодых ногтей, об этом должны беспокоиться родители, в противном случае всё идёт не так гладко, это вопрос самого раннего возраста, также счастливой наследственности, родиться под счастливой звездой — это родиться в понимающей семье. Так появляется на свет культура паразитов — в тепле, тени, они размножаются,

они радуются, они, мать их, радуются больше, чем орёл, парящий над бурей.

Паразит — вот это перспектива! разумная! беспроигрышная! Орлов практически больше не осталось!

Клянусь ёбаным Хирамом! Земля вращается! На ней больше зла, чем добра! Ставки сделаны!

*

Я знаю самого порядочного человека во Франции. Он старается изо всех сил! Он прилагает усилия! Он преподаёт в школе в Сюрси, Сюрси-сюр-Луан. Он охотно жертвует всем, его доброта неистощима. Он своего рода светский святой, он готов забыть даже о собственной семье, чтобы помочь чужаку… всем угнетённым, всем преследуемым по политическим причинам, всем мученикам Просвещения… Он старается изо всех сил! Он прилагает усилия! Для крестьян, которые его окружают, он олицетворяет дух самоотречения, непрестанное стремление к добру, к улучшению общества.

Будучи секретарём мэрии, он не знает ни выходных, ни проходных. Всегда начеку. Он свободомыслящ, насколько это вообще возможно,

он не дышит ненавистью в сторону кюре, он уважает каждое искреннее усердие. Видели бы вы его на работе! Из школы сразу в Мэрию… на велосипеде под дождём… зимой и летом!... нужно ответить на двадцать пять, тридцать писем!... внести изменения в записи актов гражданского состояния… и ещё в три толстых регистра… Провести экзамены… ответить инспекторам… Для мэрии он делает всё… приём посетителей… бумажная работа… И всё это, можно сказать, за одно спасибо… Настоящее самоотречение… В высшей степени усердливый, этот папаша скорее откажет своим детям, нежели другим… Помочь тут, помочь там… и так до бесконечности… Он доверяем всем и каждому… Он отдаёт последние гроши… Он не курит уже пятнадцать лет… Он не ждёт, пока раскошелятся другие… Ах! прошу прощения! только не он! Он всегда готов принести себя в жертву самым первым!... Это для героев Жёлтого Моря… для каторжников на Камчатке… для перевёрнутых ураганом в Луизиане… ссыльных в Каледонии… мормонов - мятежников в Ханое… армян-радикалов в Смирне… посаженных на кол коптов в Бостоне… шутов и недоумков Остенде… какая разница, для всех, кто страдает! Всегда есть те, кого преследуют, кто приносит

себя в жертву тут или там на этом круглом куске дерьма… и он только этого и ждёт, мой храбрый друг, чтобы обескровить своё золотое сердце… Ему больше нечего отдать? Он разрывается на части! Он заебёт и Небо, и Землю, если его заключённого не выпустят на свободу, какого-нибудь шустрого кули-динамитчика, которого япошки превратили в мученика… Он больше не может спать, он худеет… Он повсюду хлопочет об этом маленьком засранце… Он скачет в Префектуре… Он устраивает переполох в своей ложе… Он поднимает с постели его преподобие… Он лишает свою семью 35 франков… можно смело сказать, всего самого необходимого… чтобы добраться до Парижа… и взяться там за ещё одного героя… который сидит за своим бюро… и который также очень озабочен вопросом японской тирании… Они примутся за дело… Потребуется ещё 500 франков… потребуются брошюрки!… Что потребуется, то и потребуется!… Сэкономим на еде… он уже не считает потерянные килограммы… Он возвращается в лоно семьи… к своей работе… с ним проводят беседу… он упал в глазах начальства… Он берёт выходной… он бежит прочь… В классе он страдает от того, что ничего не говорит… Тем не менее, он так и сыплет намёками… особенно

на истории Франции… Он даёт им понять, как ему нелегко мусолить мерзости Луи XVI в то время, как, возможно, где-то там, в Сиаме, в подземных застенках япошек испускает дух ни в чём не повинный человек!… вот оно — сострадание в наше время… похуизм сердца человеческого… Он испускает вздохи святого… он делает несчастными всех учеников… Он возобновляет свои хлопоты… Он просит аудиенции у префекта… он весьма робок по натуре… Он едва ли не осыпает его бранью из-за своего маленького кули… который страдает в одиночестве где-то там, среди 400 миллионов китайцев… Он вскипает… выходит из себя… надрывается от крика в кулуарах… и делает из себя посмешище.

Я встретил его на углу улицы Лилль и Гренелль, возле Советского посольства, это было в Мае, он всё ещё носился со своим японцем… Он занял немного деньжат на дорогу, у двух коммерсантов из своей деревни. И чем всё это закончилось! куда его завела его страсть! Он не еврей, его зовут Жюль Бергуньо, его мать — Мари Меркадьер. Я знаю их всю жизнь. Мы доверяем друг другу. Я могу поговорить с ним по душам. Это порядочный человек.

— Эй, Жюль — говорю я ему… Не окажешь мне услугу?

— Смотря в чём дело…. Знаю я тебя!...И с кем ты водишься!… Ладно, валяй, выкладывай…

— Это для Тремусселя, он впутался в тёмную историю…Знаешь его? “Глотка”? Его арестовали…У него проблемы с легавыми… Он участвовал в демонстрации… И разбил уличный фонарь…

— Так ему и надо, подонку этому!...

— Зачем ты так говоришь?

— Знаю я его!… Служили мы вместе…Три года в 22-ом… Никогда его терпеть не мог… Он не ушёл на войну?

— Нет, ему делали трепанацию на прошлой…

— Туда и после трепанации возвращаются…

— Да, но не он, у него были недомогания и приступы…

— Зато валять дурака он всегда здоров!

— Но он боролся за евреев!… Это из-за них он влопался…

— Какая разница, он всё равно сволочь…

— Почему ты так зол на него?...Жюль, я впервые в тебе вижу столько ненависти... к тому, кто разделяет твои идеи... и кто страдает за свои взгляды...

— Хорошо, ты прав... Меня бесит этот Тремусселель!... Он спал на соседней кровати... Он неплохой малый... но есть в нём что-то странное...

Жюль в глубине души был порядочным, добросовестным и очень щепетильным... Его здорово задело моё замечание...

Он сделал ещё одну попытку.

— Ты понимаешь, что я хочу тебе сказать... Я этого Тремусселя как облупленного знаю!... это-то должно быть меня и останавливает... Я прожил с ним бок о бок три года... к другим я и не приглядывался... я, можно сказать, их вообще не знал...Так вот, послушай, меня, горлопан ты этакий!... сейчас-то я тебя и разглядел... Гадёныш! Ты ещё более мерзок, чем остальные... Убирайся вон — и чтобы я тебя больше не видел!... У меня есть связи, усёк?... Ты у меня ещё попляшешь, грязная скотина!...

Я не хотел подливать масла в огонь... Я не хотел устраивать скандал среди улицы... особенно

сейчас… Я свернул на улицу Бак… Он пошёл в сторону Фобур Сен-Жермен… И я его больше никогда не видел, Жюля… Это был самый порядочный человек, он прилагал бессчетные усилия. Он старался изо всех сил, хлопотал! Я никогда в жизни не видел, чтобы кто-то так радел за дела, которые его не касаются. Ему не были нужны ни слава, ни почести, ни орденская ленточка, он не был этим одержим.

*

Вместо оружия, самолётов и обстрелов — пинок под зад и кулаком по морде. Ничего бы не поменялось — то же самое поражение, тот же самый разгром, та же самая катастрофа.

Нации не погибают оттого, что их государственные деятели — пустое место, их правительства — жлобы, пьянчуги и педерасты, их министры надуты спесью, их послы — пустомели, как и они сами, всё это неважно. Эти нации капризны, высокомерны, пресыщены благами, раздавлены промышленностью, слишком роскошны или слишком сельскохозяйственны, слишком просты или слишком сложны. Всё это мелочи, временная чепуха, простейшие исторические факты. Хватит ли необходимого сырья? Не встанут ли

заводы?...Вот это уже серьёзные вопросы, но всё же и они могут быть улажены. Посмотрите на Германию.

А военные бедствия? Вражеская оккупация? что вы скажете об этом, мой бесстрашный друг? Ерунда. Продуктивная, пылкая нация превосходно оправится от самых тяжёлых военных передряг и самых жестоких оккупаций, но только при одном единственном условии, очень важном, мистическом условии — она должна, невзирая ни на победы, ни на поражения, оставаться верной одной и той же группе, одному и тому же народу, одной и той же крови, одному и тому же неиспорченному расовому источнику, который помог ей одержать победу и стать суверенной во времена тяжёлых испытаний и завоеваний, а также, несмотря ни на что, уберечься от связей с низшими расами, от повсеместной еврейской, берберской, афро-левантийской заразы, от всех прирождённых развратителей Европы.

На неё подействовали приворотные зелья, которые ей на каждом шагу подсыпала вся эта шваль? С этого момента пиши пропало, вся страна отравлена дегенеративной еврейщиной, она хиреет и разваливается, война не убивает её, а

доканывает.

Основная работа уже сделана, и крепость, которую мы, поддавшись иллюзии и обману, издалека приняли за устрашающую цитадель, была укреплена одним лишь картоном, огораживающим толпу идиотов, исступлённо орущих и беснующихся в железных ошейниках, совершенно выживших из ума, одуревших от болтовни и вина, обречённых на смерть, одержимых страстью к руинам и выпусканию кишок.

Гром прогремел. Следующий разгром окажется последним ударом.

*

А вот перед вами 37 миллионов существ, ошарашенных недоумков, буря закончилась, они разрознены, завистливы, скрытны, у них нет никакой общей идеи, если не считать какого-то угрюмого отвращения друг к другу, хитрожопые анархисты, несчастные и убогие, каждый за себя, один против всех и, если такое возможно, все против одного. Разлагающийся труп. Что прикажете делать с этой мразью? С этой огромной кучей дерьма? Отправить их всех на Урал? Немедленно собрать их всех в охапку, весь этот паршивый сброд, распихать по обозам, и пускай они мелят

свои глупости там, под железной пятой? или выслать их с горем пополам за тысячи и тысячи верст от дома более деликатным образом?

Может статься, что это случится…Быть может, это не так уж и невероятно… Быть может, раньше, чем мы думаем…

*

Буржуа, ему насрать на всё, его заботят только его деньги, его “Royal Dutch”, его привилегии, его положение, его ложа, где он заводит полезные знакомства, те, которые ведут вас к кабинету министров. В конечном итоге — он еврей, потому что еврей — это тот, кто хранит золото, у кого в собственном храме есть самый замечательный золотой телец. Это даже не обсуждается!... это само собой!... И ого-го! ого-го! Буржуа жалеет только об одном — что он не родился евреем, настоящим евреем, изначально, папа мама. Истинное достоинство нашей эпохи. Он копирует его всегда и во всём — те же самые взгляды, те же самые интересы, те же самые любимчики, те же самые неприязни, те же самые бабы, те же самые соболя. Он подражает жиду, как только может. Бен Свиньяк.

Только у еврея есть несколько верёвочек, он и Троцкий и Ротшильд разом, в одном флаконе… Он может быть кем угодно. Так он и обувает наших буржуа.

Самуэль Бернар, а затем Сансон! Но прежде всего — ого-го! ого-го! и великий ТЬФУУ! Ах! Ах! Вот такая вот загадка!

*

Рабочий, ему насрать, кто он — чистый ариец или коричневый метис! от кого он происходит — от Готов или от Артура! лишь бы было, чем заморить кишку! А тут на тебе — и нечем…У него и поважнее дела есть! Что ему за дело до того, какой он крови — чистой или смешанной? Почему не Маркиз де Приола? или герцогиня Гонесса? Всё это басни фрицев, грязные фокусы, чтобы напакостить евреям, ограбить их, прикарманить их денежки. Это месть Гитлера, который не смог завоевать и без того заёбанный в доску мир. Есть очень даже симпатичные маленькие евреи, и есть паршивые французы, отъявленная сволочь. Это не вопрос расы. Это вопрос класса. Это известно всем… Еврей — это друг рабочего, демократ, друг прогресса, сторонник общественного образования и избирательных прав для женщин. Вот

что считается!

Это не кагуляр. Друг свободы! Еврей — это преследуемый, это человек, который страдает за свою религию! Жертва диктатуры! Евреи виноваты в войне? Очередная клевета, выдуманная, чтобы выгородить настоящих виновников, людей пятой колонны. Настоящие виновники — это Гитлер, Вендел и, возможно, Дрейфус (на его счёт есть сомнения) — все трое (ворон ворону глаз не выклюет) спелись с Черчиллем и Франко, чтобы задушить пролетариат, отнять у него его победы 36-го, его чувство собственного достоинства на выходных, его автомобиль марки “Simca”и его палисандр.

Мировая война началась из-за него, пролетария, чтобы прикончить его, чтобы заморить его голодом. Мы не изменим его взгляд на вещи, играя на дудочке и улыбаясь. Это очень сложный вопрос. Он вбил себе в башку, что он прав, и он никогда не изменится.

Всё остальное — интриги и козни, галиматья грязных лжецов, субъектов, которым богачи заплатили, чтобы сбить с толку, заговорить зубы и усыпить бдительность Обездоленного Земли.

*

О боже! как это трудно, как это тяжко, изнурительно — иметь дело с подобными субъектами! Вот вам пример… Допустим, у нашего примера сифилис… вы скажете себе: Хорошо!… это не самая простая болячка… Я стану лечить его сыпь болеутоляющей мазью… какими-нибудь жёлтыми или красными таблетками… он будет очень рад… Я не стану говорить с ним о серьёзных вещах… у меня появится довольный клиент, который будет всюду хорошо обо мне отзываться… Я не стану делать ему никаких уколов…Разумеется, он поднимет хай… он оскалит зубы… его вырвет на лестнице… он даже может шлёпнуться в обморок… как вы это себе представляете? по-вашему, я должен его упрятать, запереть его в шкафу… из-за трёх или четырёх ампул?… чтобы кончить, как Бугнат… в этой жизни никогда не знаешь наверняка… недоброжелательность повсюду… Мы теряем голову, и затем — настоящий кошмар… начинается драма, Гран-Гиньоль…Никогда не следует заглядывать в вещи слишком глубоко… быть слишком любопытным! Это очень хорошее правило… “Curiosity kills the cat”, как сказал бы де Голль… Но вернёмся к нашему больному… Если мы сделаем ему небольшую пункцию, что-

бы заглянуть в его головной мозг… всё ли там в порядке… с его мозгами… Упаси вас от этого господь!... Ваша жизнь тут же превратится в настоящий ад!... Вы не будете знать, куда деваться! Через двадцать… тридцать лет… больше! Он вернётся к вам… сей господин хороший… он будет преследовать вас в ночных кошмарах… убил я его или нет?...он проклянёт вас…Этот вампир не отвяжется от вас даже на заслуженной вами пенсии, ведь вы самолично ковырялись в нём… вы взяли и потревожили его спинномозговую жидкость… Ах! никогда и ничего не тревожьте! Во имя всего святого! Во имя самоотверженной любви ко всем паралитикам! вас заебут до смерти!

Сохраняйте хладнокровие! Лечите его маленькими, безобидными пилюльками, которые никому не причинят никакого вреда! Оставьте его сифилис в покое. Он сидит себе где-то в глубине и хлеба у вас не просит. Убаюкайте его красивыми словесами. От вас требуют не медицины, а магии. Не покушайтесь на самое существенное, и вам всегда будут признательны, вами будут умилены и всегда растроганы. Счастье — это трепаться о пустяках, ждать, когда гнойник лопнет сам, в установленный судьбою час, не тревожиться о “маленькой сестричке” и выражать своё почте-

ние Трепонеме малюсенькими таблеточками и огромной ложью.

У меня есть одна благовоспитанная пациентка, и каждый раз, когда я её встречаю, она говорит мне… что я люблю читать ей проповеди…

“Ох! Доктор! нет!... Не стоит… Это пустяк… Вы прекрасно это знаете!

Я всё равно не стану заниматься лечением из-за такого пустяка… Вы были так добры ко мне!… Ох! Доктор, будьте же благоразумны! ”

И дело вовсе не в деньгах. Я их никогда ни у кого не брал. Нет! дело в том, что она просто-напросто не желает заглянуть глубже. Она не хочет признавать ужасной правды. Вот и всё. Правда не нужна никому.

Обратите теперь внимание на другой момент, на выступления, на газеты, которые говорят о возрождении Франции, они никогда не касаются самой сути, они колеблются, они юлят, они бьют себя в грудь коленом, они с упоением вещают дрожащими от волнения голосами, они надрывают свою глотку снова и снова, и на этом всё, точка. А те, что действительно чихвостят евреев, эти грозные враги Израиля, они либо обходят

стороной классовый и расовый вопросы, либо просто-напросто отрицают его, они увиливают, они хитрят, они ходят вокруг да около и мямлят… Они не колют, они расхваливают пилюли и мази, которые эффективно скрывают все факты.

Те же, что заклинают коммунизм, те без конца заигрывают с евреями, они нехотя грозят им кулаком, это их великие аукционисты. Всё это так благодушно, так мило, мелководно, поверхностно, примитивно, размазывание, замазывание, мазь, бальзам успокоительный, бальзам ранозаживляющий для тех великих дней, когда мы таскаемся до Бастилии!... Какие чудесные розыгрыши! вот и всё, и больше ничего! Пускай они покричат У! у! у! призракам, и затем возвращаются восвояси…Ну полноте, полноте вам про сифилис! Земля не задрожит от такого пустяка! Все эти прекраснодушные развлечения абсолютно бесполезны, они разделяют людей и делают их неспособными к короткому замыканию…И это служит гарантией от удара молнии и благословением для лавочников.

*

Франция — еврейская и масонская, раз и навсегда. Вот что вам следует хорошенько усвоить,

дорогие мои дипломаты. Их братии бесконечны…Едва одряхла одна, как на её месте уже нарисовалась другая… само собой, ещё более “сближающая”.

Это гидра о ста двадцати тысячах голов.

Зигфрид больше не вернётся.

*

Когда-то народ верил, что его ждёт рай, и терпеливо ждал. Это всё упрощало. Он только и делал, что молился. Весь мир держался на смирении бедняков, dixit (как сказал) Ламеннэ. А сегодня наш бедняк больше не желает смиряться. Христианская религия мертва, вместе с надеждой и верой. “Хочу всего и немедленно!”. Рай или ничего!... Как буржуа, как еврей.

Поди-ка поуправляй страной в таких условиях!... Ах! Это ужасно! Это кошмар! Я вынужден это признать.

Больше это никому не под силу.

*

Люди, кажется, испытывают ужасный, совершенно непереносимый страх перед мыслью,

что в один прекрасный день они окажутся одни, совершенно одни перед пустотой. Самые смелые, самые отважные, несмотря ни на что, хватаются за какую-нибудь истершуюся, дежурную, классическую, проверенную нить, которая их ободряет и заново их привязывает к благоразумным и приемлемым вещам, к толпе добропорядочных индивидуумов. Можно сказать, что их пронизывает холод. Так, Дрюмон и Габино точно угорелые хватаются за свою родную церковь, за своё рассвященное христианство. Они размахивают своим крестом перед евреем, этим отъявленным пособником самого дьявола, и изгоняют его кропилами. Они упрекают еврея главным образом, перво-наперво и прежде всего за то, что тот убил Христа, осквернил жертву и не пользуется чётками…Да чтоб вас повесили вместе с вашими претензиями! Крест — это противоядие? Что за фарс!

До чего же всё это глупо, лживо и несуразно, путано-перепутано, плаксиво и робко. Ариец наивно заглотил религиозный крючок, легенду, сплетённую евреями с явным намерением покончить с ним, кастрировать его и поработить.

Распространённая среди мужественных рас,

среди ненавистных арийских рас, религия Петра и Павла блестяще сделала свою работу, она превращает покорные народы в жалких попрошаек и выродков с самой колыбели, в полчища кретинов, очумевших от христианской литературы, ринувшихся на поиски Туринской Плащаницы и забывших навеки своих Богов, свои волнующие религии, Богов своей крови, Богов своей расы.

И это ещё не всё. Католическая религия, это преступление из преступлений, на протяжении всей нашей истории была великой сводницей, великой скрестительницей благородных рас с гнильём, взбесившейся заразительницей.

Католическая религия, основанная дюжиной евреев, окончательно сыграет свою роль, когда мы исчезнем раз и навсегда, захлебнувшись от наплыва грязи из гигантского афро-азиатского дома терпимости, который уже вырисовывается на горизонте.

Такова горькая правда, ариец всегда умел любить и обожать только чужого бога, у него никогда не было своей религии, белой религии.

Всё, что он боготворит — своё сердце, свою веру — всё это целиком и полностью было состряпано его худшими врагами.

Неудивительно, что он от этого подыхает, обратное было бы чудом.

*

Мне пришла в голову очень любопытная, интересная затея, я хотел собрать сборник статей мэтров пера, выдающихся, блистательных, волнующих членов элиты, которые писали в ходе страшных исторических событий, в фатальные месяцы 39-40 гг… Я бы назвал его ‘Потерянные Страницы”… Я ещё толком не определился… “Антология Жана Жопы”… или “Мужество в прозе”… “Мужество на словах”… с небольшим предисловием : “Всё, что лояльно, то хорошо… Не нужно щадить скромность наших героев мысли… и так далее… и так далее…”

Рано или поздно наши отважные трубадуры соберутся “сближаться”… Они пока ещё сами не знают с кем… Поэтому они только чешутся в раздумьях… Посмотрите, они просто смешны… Ах! Нотариусы сраные, выдающиеся, как мои яйца! Семейные консультанты... Есть ещё арийцы на продажу!... ну что вы, не тревожьтесь!... они всегда будут!... и в одном Крестовом походе, и в другом… Цена им, конечно, уже невелика!... но сколотить кое-какой капиталец можно все-

гда… Ваши учебные знания не мертвы!... Следует только слегка пересмотреть некоторые формулировки… но в целом я за вас совершенно спокоен!... “С рукой на сердце”, но куда?... направо? налево? Ах! мы не знаем!... Это так непросто!... Один необдуманный шаг — и вся учёба коту под хвост ... Нужно, чтобы клиент вернулся сам… чтобы он тут же расположился и доверился… кому-то, с кем он может перемолвиться…

Книга — это прямота, это нечто ценное, это всё! это частица вас самих! в ней наш вкус и колорит! мы обязательно всё наверстаем!

Кто сегодня запрещён, завтра будет изумлять!... послезавтра его бросят в тюрьму!... Это новая озорная шутка! Целый Трафальгар любезностей! сегодня это полнейшее дерьмо, а ближайшей весной оно зашелестит миртом! Апофеозом боярышника !... Ах! собратья, не падайте духом! вы достаточно попили моей кровушки, я испускаю горестный, краткий, приглушённый, хрупкий вздох, но отнюдь не с тем, чтобы вас прогнать.

Хера с два! напротив — премного рад, не нарадуюсь вашему возвращению! вот и фимиам, и золотые камзолы, и напыщенные, фантастические трубачества, и изящный хор девственных

голосов из Ганглии или Марамерики !

*

Люди говорят уйму всякой всячины, но всё можно уладить в два счёта. Социальный вопрос остаётся, евреи не всё выдумали, это было бы слишком хорошо, неравенство классов, привилегии сытых и богатых, несправедливость повсюду и во всём! Евреи не смогли бы разжечь восстание, не будь к нему никаких предпосылок. Они не создали их целиком и полностью, они лишь ловко воспользовались ими, это верно, они бьют своим человеколюбием наотмашь, они сварганили огромную машину, так называемые “человеческие права”, это самая ужасная машина в мире, и она целиком в их руках. В изобретательности им точно не откажешь. Они умеют пудрить мозги,

с платформы, все ложи подталкивают их сзади. Какая-то важная персона, это несомненно. Всё не уладится само собой, одной улыбкой, дрожью и папскими буллами. Нужно урегулировать очень важный вопрос — вопрос денег. Счёт дружбе не помеха, ничуть, напротив.

Весь мир материалистичен, включая самые малые народы. Они верят только в осязаемое. Вот оно — народное просвещение, испарение

Великих Мифов. Они больше не хотят двигаться дальше, пока не будет улажен вопрос денег. Цивилизованное общество желает только смерти, желает лопнуть, снова стать дикарями, это их непрестанное усилие, бесконечная трансформация. Это усилие, и оно утомляет. Нам насрать на всё, мы больше не хотим ничем себя утруждать. Мы сидим сложа руки, пока всё кругом трещит по швам.

Это наш фундамент, и он насквозь изъеден червями, он зиждился на вере, а люди больше не желают ни во что верить, это напоминает воздушный поток, им нужны лишь “удобства и немедленно”.

В людях не осталось ни Мифа, ни воображения, это механические люди. Паскаля приводили в трепет бесконечное пространство и небо, ему больше нравилась ручная тележка. В механизмах нет ничего хорошего, они прозаичны и недолговечны. Они ломаются и выводят из строя всю машину, мы будем топать на своих двоих, всё дальше и дальше, мы будем несчастливы всё больше и больше, и полиция, и все тюрьмы рухнут вместе со всем остальным, потонув под обломками.

Для взлёта необходим энтузиазм!

Где же Бог? новый Бог? Бог, который танцует?... Бог, который внутри нас?... которому насрать! который всем своим существом напоминает скотину! Бог, который храпит!

*

Обездоленные земли с одной стороны, буржуа — с другой, и те, и другие, в сущности, думают только об одном — как разбогатеть и остаться богатыми, один другого стоит, два сапога пара, две стороны одной медали, в глубине — никакого различия. Стадо и кишка. Всё для брюха. Единственное, всегда есть те, кто пожаднее, похитрее, поупрямее, поленивее, потупее, те, кто повезучее, и те, кто нет. Уж каким родишься. Но всегда одинаковое чувство, одинаковая болезнь, одинаковый ужас. Идеал удава — двухнедельное пищеварение. И всё это вращается, обращается, весь этот яд, противно тёплый, не больше 39 °, это наихудшее из зол — второсортный ад, ад без пламени. К счастью, грядут войны, всё более и более затяжные, это неизбежно.

Земля разогревается.

*

У народа нет идеала, у него есть только нужды. Что такое нужды?

Эти рабы приходят, и, мол, давай, чтобы больше не было безработицы, подавай им работёнку “не бей лежачего”, подавай им безопасность труда, подавай им гарантии от холода, голода, пожара, подавай им оплачиваемые отпуска, пенсию, уважение, белот и рюмочку коньяку, затем кино и палисандр, нрав курящего лоботряса, колымагу для семейных поездок…Это программа записного материалиста — пожрать в три горла и поплевать в потолок. Своего рода эмбрион буржуа, который пока ещё не нашёл свой шесток. Никакие, даже самые чудовищные катаклизмы не заставят его отказаться от своей программы контуженного мечтой крестьянина, который потерял свою корову, свою землю, свой каштан, который хватается за каждую соломинку и боится, что весь мир и вся жизнь просочатся сквозь его пальцы. Это фантастика — говорит он себе… дела идут сами собой… а я пока посижу себе сложа руки, как настоящий чиновник!... Ах! Едри твою мать! Будь я проклят! Уйти на пенсию или сдохнуть! Безопасность труда или смерть!

Паника всегда отвратительна, нужно принимать вещи такими, какие они есть.

Всё не было бы настолько мерзко, всё можно было бы легко уладить, если бы эти чудовища не старались бы извлечь выгоды из разводимого ими же самими блядства, эти скрытые сеятели ненависти никогда не разжимают своих зубов, они подливают масла в огонь, расставляют капканы, уродуют и истязают в своё удовольствие.

Это Бездна, это Апокалипсис, со всеми их сорвавшимися с цепи голодными монстрами, рвущими на куски даже душу… Бездна, которая разверзлась прямо под нашими ногами.

*

Нищеты недостаточно, чтобы пробудить народ… бесчинства тиранов, крупные военные катастрофы — народ и не чешется, он терпит всё, даже голод — ни единого стихийного восстания! его нужно пробудить
— но чем? Деньжатами!

Нет золота — нет революции.

Чтобы обездоленный осознал ужас своего положения, ему необходимы литература, великие апостолы, высокоразвитая сознательность, озлобленные памфлетисты, откормленные и голосящие вожаки, сведущие в вопросе, истеря-

щая пресса и радио, грохочущее, как божий гром, — иначе он и не шелохнется, он и дальше будет дремать за своим белотом. Это всё стоит денег, это всё не бесплатно, это чудовищные расходы, это вагон и целая тележка звонких монет, которые высыпаются на людей, чтобы те задымились.

Покажите-ка нам счета, кто вбухивает столько денег? Нужно разобраться.

Нет денег — нет флейтистов, нет пузатых сундуков — нет и восстания.

Нет золота — нет революции! Нет ни Волги, ни единого бурлака! Знатоки, способные взволновать вашу толпу и ввести её в транс, стоят недёшево. А по пять сотен стукачей на каждом перекрёстке? Суммы становятся астрономическими! Это спектакль, и у него есть своя цена! Издержки восстания растут в кубе, это крах! чтобы довести толпу до настоящей горячки, дайте ей потрясти своими цепями, чугунками, котелками, пускай всё летит кубарем — и дайте ей тирана, пускай она с радостью вынет ему потроха! братство отвоёвано! свобода совести! Прогресс идёт вперёд! Давайте устроим грандиозную оперу! самую оглушительную за последние два-три века! чтобы начать новую жизнь! Ах! но это так дорого!

Разорительно! Нужно откормить, отчествовать, отполировать всех стукачей, всех фараонов всех мастей на деньги всех лож, расплодить, упитать, подогреть, ублажить всех слизняков, пусть они исчервоточат всё строение, пусть шипят и разъедают всё кругом за баснословные деньги. Счетам не будет конца.

Полиция, подготавливающая революцию, кишмя кишащие тайные агенты, провокаторы недовольства и тысячи бед, взбалтыватели желчи — все это стоит неимоверно дорого.

И всё это необходимо! Много не бывает! Ведь этот убогий мир забывчив и безволен! обездоленный тарахтит себе и никого не трогает, а тут на тебе — инфернальный грохот! Тот, кому хватает бутылки красного, дайте ему попробовать вкус крови — и все его беды станут для него невыносимыми, его положение будет сводить его с ума, он превратится в безжалостного, хищного зверя, в антропофага! Всё, чего он хочет — это остаться таким, какой он есть — брюзгой, пропойцей, лоботрясом. Он только охает да ахает, и больше ничего. Ему всё должны подносить на блюдечке. Прошу прощения! Чёрта с два, Мими! Тут он и попадается на удочку “радетелей”, функционеров

восстания. И это только первый акт, самое начало драмы, краткое изложение комедии, шумное кучкование. Он не будет сыт одними обещаниями, ему нужны субсидии — и чтобы до усрачки. Чтобы вся эта шваль восстала и мобилизовалась, понадобится целая бездна, золотое дно, придётся опустошить все сокровищницы “Shell”.

Нет денег — нет революции.

Обездоленный сам по себе — круглый ноль, ему нужно забашлять и побольше, чтобы он ринулся на баррикады, чтобы он начал ломать комедию. Сам по себе он предпочитает семейную жизнь, автобус и слюнявые митинги. В глубине души он не любит впутываться в истории. Он махровый консерватор, человек земли, прирождённый солдафончик, про себя он думает, что с него будет вполне достаточно просто проголосовать. Его не привлекают жертвоприношения и кровавые бани. Он совсем их не хочет. Для этого его нужно разъярить, затыкать его до смерти, как пикадор быка. Он поднимает страшный шум. Он надрывает глотку, но он миролюбив. Больше лает, чем кусает. Он вовсе не против насилия, но только когда страдают другие, а не он.

Подобно всей французской армии, он любит

торжественно дефилировать. Ему нужны машина, палисандр, пенсия в тридцать лет, все возможные причины не умирать. Рыбка на крючке. Что может быть лучше? Умирать он совсем не хочет. Гражданская гвардия, та убивает как раз плюнуть! У них вон и пулемёты есть! Благоразумие в первую очередь!

Чего ради менять общественный порядок? чтобы одни жили припеваючи, а другие сдохли или стали мучениками? Победа? Легко сказать! Нельзя сделать яичницу, не разбив яйца! К тому же для мертвецов не существует хорошей победы! Каждый поневоле задумывается… А какие гарантии? Каждый в душе задаёт себе этот вопрос…Это всё всерьёз? Кто готов умереть ради наилучших условий?

Вот пускай другие и подыхают, если им это нравится! А мы посмотрим, что из этого выйдет… Вот где загвоздка и слабое место — крестьянин, не желающий “впутываться в историю”! вот кого нужно подпинывать! под полный оркестр! и добавьте золота в его транс! и побольше! Старая Бастилия с её девятью башнями так и стояла бы себе, как солдат на посту, гордая, надменная и устрашающая, и стесняла бы людей не больше, чем Френ или остров Ре, если бы банки, эти де-

моны Лондона, не совали бы всюду свой нос, не подзуживали бы вовремя окосевшее мясо, не провоцировали бы мятежи и кровавые бойни и не поднимали бы ураганы сплетен и вихри банальной дребезжни. Правнук Людовика XIV был бы сейчас в Елисейском Дворце, а Мария-Антуанетта, почитаемая всеми детьми, покровительствовала бы разведению ягнят, если бы Питт не подстрекал паршивых бумагомарателей своей эпохи, не развращал бы знать, не разбазаривал бы деньги целыми корзинами, не подкупал бы судей, бардачек и палачей… Без золота идеи — ничто. Чтобы поднять народ, нужно сыпать золото телегами, тоннами, вагонами. У кого его нет — тот не поднимет никого. Так есть и так было всегда. В первую очередь нужен вкладчик! Это главное условие спектакля! И не раз, два и обчёлся, друзья хорошие! дубина стоеросовая! Фуу! Какой ужас! Какая дерзость! Нетушки! Колоссальные сбережения! Самая дорогущая из опер! Вы себе это представляете? Опера Вооружённого Восстания! С потопами! Симфоническими хорами! Ох! вот это да! Если вас это захватывает, обмозгуйте всё и приступайте к делу! Вы готовы? Или нет? Какой у вас банк? Вы банкрот? Тогда закройте рот и убирайтесь вон! не мешайте другим! Маленький

хитрожопый нахал! сопливый недоделанный мальчишка! Сначала узнай, что к чему! Это вправит тебе мозги! Для восстания нужны деньги, а не липа! и не щелкотня! Нет и ещё раз нет! Смерчи! Циклоны бабла!

Гильотина — это дочь банка.

*

Ах! найти вкладчика — это начало любого большого дела, мечта каждого серьёзного человека, нет вкладчика — нет размаха, сам гений обращается в ничто, в клоуна и исчерпывается в онанистических миражах. Без золота не будет никаких результатов, никаких успехов, без золота всё рассеется как дым при первом же дуновении. При малейшем встречном ветерке, на первой же кочке всё затихнет и исчезнет. Чтобы удержать людей вместе, чтобы у вас была надёжная свора, их нужно обеспечить похлёбкой, регулярной и полной миской, иначе у них появится несколько вожаков и вашей авантюре настанет хана, тогда вы можете забыть про охоту.

Ах! Всё это нужно знать и соблюдать, это Законы. Возьмите, к примеру, Ленина и его приятеля Макэйра-Троцкого — эти знают все секреты…

все тонкости этой магии, такие не стряпают на скорую руку…

Восхититесь их прозорливостью, остроумием их руководства, их безупречным прозаизмом, их неусыпной бдительностью в отношении каждого презентабельного пайщика… ни секундного отвлечения от самого главного — от денег! Рука всегда на пульсе, чтобы не продуть ни единой схватки.

Ах! вот это серьёзные люди! Таких не раздухарить пустой трескотнёй, анисовым вином дружбы, пьяной галиматьёй, разного рода воплями и романтическими сотрясаниями — весь этот зверинец способен напугать разве что ребёнка. Такие проводили небольшие съезды, которые никому не причиняли вреда, чтобы сказать, мол, вот так и так, у нас есть люди, они нам подчиняются, нам внемлет всякая шелупонь, — и всё это презренное собрание, все эти возмущённые несправедливостью, угнетённая перхоть, заморыши великого почина, недокормленные паршивой бурдой, тараканы кофе со сливками — вся эта лихорадочная смесь нищеты, желчи и невнятного бормотания была нужна для того, чтобы начался нестерпимый зуд, обострение

идиотизма и отвратительное бурление масс. Ораторы, которые фонят за версту, как мокрая псина, без пальтишка, с кариесом на клыках, скорбно перетаптывающиеся с разинутой глоткой и пустым брюхом — вся эта недобитая шваль, таскающаяся из одной богадельни в другую, вся эта клиентура, готовая к заключению в Санте, была нужна для того, чтобы ожесточить народ. Ах! Мученики идеи! Ах! такие вещи нужно знать — они кусаются, рычат и с непривычки выблёвывают свой кусок — неблагодарные, вероломные, чванливые, — едва его проглотив.

О, грубые скоты! О, сволочная шайка для человека дела, который не хочет лопухнуться, захлебнувшись в своих обдристанных прожектах и трясине словес, запутавшись в мечтаниях и посулах. Риторика — для толп, вождям нужны вклады, а главный вкладчик — это банк.

Вот где находятся ключ от мечты, большой секрет и вдохновение революции. Нет банкиров — нет смуты, нет волнения среди низших слоёв, нет страстного бурления, нет ни Кромвеля, ни Марата, ни бегства в Варенн, ни Дантона, ни винегрета, ни путаницы.

Ни Робеспьера, который держится дня два без

чёрного кошелька.

Кто открывает счёт, тот правит бал.

Всюду кредиты и утверждённые договора, особенно в самые критичные, затруднительные моменты.

Никаких церемоний! никаких хаханек!.. плакаты сами не наклеятся… расклейщики не предоставляют кредит… Они выставляют свой счёт в тот же вечер…Для них каждый вечер — это особенный вечер.

Вот вам и смиренные рабы. За кулисами сплошное жлобство. Именно поэтому банда Ленина и преуспела. Не только потому, что в ней были одни евреи, но и потому, что они были серьёзными людьми, всегда в курсе всех событий, они никогда не действовали наобум, всегда были при деньгах, они были набиты ими до отказа с самого начала.

Люди поверили им тут же. От чьего имени они говорили? От имени всех угнетённых? Бесчисленных обездоленных? Расплющенных в лепёшку несправедливостью? Придавленных ложью?

Разумеется, само собой! Но также, и даже в первую очередь, от имени банка Лёб-Варбург,

который поручительствует всюду…Уж они-то набили себе карманы, вся эта сволота на хороших чалых, прежде чем баламутить народ… это совершенно точно, только и слышится весёлое побрякивание да позвякивание… божественный перезвон… небо и земля просто ходуном ходят… от отголосков их достижений… такое волшебство страстей… такая волна магии прямо в сердца… что даже музыка затихает… от чудесного перезвона золотых монет!…

Разумеется, это одна семья — Троцкий, Варбург, Лёб… евреи-банкиры… агитаторы… поэты и крестьяне… Им нужно было только встретиться и всем хором посвятить себя служению великой идее, единственной, которая идёт в счёт — еврейской… Великая Идея Великого Оболванивания, великое, окончательное, опломбированное и засекреченное закабаление арийцев, абсолютное царство Исаака, простирающееся от неба до преисподней, с каким-нибудь Дюраном, который вечно носится как дурак с обожжёнными ногами по пеплу и рвёт на себе плоть ради своего хозяина, чтобы подать ему её ещё тёплой и окровавленной, покуда от этого Дюрана ничегошеньки не останется, покуда он окончательно не исчезнет от своей любви. Так это себе и пред-

ставляли и Варбург, и Ленин, и Троцкий, и все прочие, которых я не стану называть. Это было самоочевидно и естественно, это общество мечты, настоящий кошерный коммунизм — сервированное блюдо из нашего окровавленного мяса.

Они знают это с самой колыбели, почитайте Талмуд и Тору. Это сто раз так и больше. Мы же с вами другие, мы родились вверх ногами, мы родились для катехизиса, “ангелуса” тли, требника филейных вырезок, человеческого расходного материала, скота для побоищ и гужевого и вьючного транспорта, мы — мы никчёмные разгильдяи, хуёвые пахари, наши женщины — подстилка для Хедива, чтобы отвлечь его от нестерпимой зубной боли, если он найдёт их достаточно смазливыми, если они сделают всё возможное, чтобы угодить ему.

И Ленин, и Варбург, и Троцкий, и Ротшильд, они все думают одинаково на этот счёт. Никакой разницы среди обрезанных, это стопроцентный марксизм. Банкиры, каторжники — все за одно. Это бурлаки Волги, это красные соколы Пюто, которые без ума от радости, что всё так вышло. Им уже мерещатся молочные реки и кисельные берега для их маленьких глоток! Погодите у меня,

мои дорогие пожиратели облаков, я вам покажу свои бубенцы, Дедушка Мороз устроит вам прогулочку!

Они тотчас спелись, Варбург и Троцкий. Всё это было предсказано… чек из Нью-Йорка обеспечил успех — 200 миллионов долларов, чтобы стереть в мелкий порошок царя, свергнуть и укокошить Романовых, не 200 миллионов винтовок, а 200 миллионов долларов наличными! Троцкий самолично совершил поездку, представил свои планы, свою персону, свои манеры… Мистерам Шиффу, Варбургу и Лёбу сразу же понравились его идеи… но не его персона… Им он показался немного суетным, немного вспыльчивым, немного истеричным…Разумеется, они ему поверили… однако… тем не менее… 200 миллионов долларов — это 200 миллионов долларов… кругленькая сумма… может случиться какая-нибудь неожиданность… откуда-нибудь вдруг выскочит убийца… Как раз кстати Ленин в это время был не у дел… едва поспевал за ходом событий… и тут на тебе — он уже весь из себя серьёзный, аскет, словом, тёртый калач… рядом с Троцким… Господину Лёбу он пришёлся весьма по душе… у него была репутация… они оказали ему полное доверие…

Так вот, он был в Париже…Подыхал с голоду на улице Деламбр… Калмык с кофе со сливками… Евреем он был лишь наполовину… Для Нью-Йорка — это минимум… По рукам!… Ну и ну!... Дела попёрли в гору!... Взмыли как смерч! Небольшая партия большевиков, которая ещё неделю назад была маленькой, убогой мусорной кучкой, неуместным посмешищем и горсткой беснова-тых… вот тебе и на!...раздувается как воздушный шар! долетает до звёзд!... откуда ни

возьмись ещё десять миллиардов!... Она жадно проглатывает свою долю! Она кочегарит на полную катушку! Она повсюду! Она переворачивает всё вверх дном! Керенский споткнулся, покачнулся, испарился! Без следа!... эффект молниеносный… он измельчён в порошок!... Большевик в кресле… Лимитед…Вот что такое Нью-Йорк… Всё летит вверх тормашками, рассасывается, гибнет…

Романовым капут, кадетам тоже, а заодно с ними и всем меньшевикам

с их косматыми бородами и Пиковой Дамой!... Песенка спета!...Романов удаляется в снега, уезжает за тысячу лье вместе со своей семьёй, своей сабелькой, своими амулетами… Что в это время творится с массами!... их охватывает вулканиче-

ское исступление!...

Это извержение низших слоев!...Фарандола Великих Надежд... Это “десять дней, которые потрясли мир ”!... Мистер Лёб счастлив... Ему не приходится скучать возле телеграфа!... И его маленьким дружкам тоже... Троцкий шлёт им хорошие новости...

“Банк Лёб-Варбург, Нью-Йорк”

“Романову каюк, всё идёт хорошо. ТОЧКА. **С Керенским тоже покончено.** ТОЧКА. **Нужно ещё 150 000.** ТОЧКА. **Победа гарантирована.** ТОЧКА. **Прогресс идёт вперёд.** ТОЧКА. **Могут возникнуть некоторые трудности.** ТОЧКА. **Гляжу слежу бжу.** ТОЧКА. **В оба глаза.** ТОЧКА. **Троцкий.”**

Весь великий Кагал машет руками. Все Коэны собрались на мосту. Безграничное ликование от Чикаго до Уолл-Стрит... Все гетто класса “люкс” просто на седьмом небе... все ложи буквально кипят... Все братства конвульсируют... Это, несомненно, та обещанная эпоха!...Жертва принесена!... Все еврейские банки вносят свой вклад... Помощь идёт через Стокгольм... Когда она доходит до Петрограда и разом открываются все 150 мешков — начинается подлинный экстаз!... Двенадцать комиссаров, все жиды, как двенадцать

бед, они знают цену деньгам, для них это не пустяки, они слышат песню, которую поёт мир, как, мол, смажешь, так и поедешь! Итак, праздник в разгаре! Машина Прогресса гудит, несётся, мчит напролом, кружится вихрем, это динамо-машина справедливости, равенства и просвещения, с шумом перерабатывающая тухлое мясо гоя! Семь миллионов буржуа убито менее чем за два месяца военно-полевых судов. Хорошенькую навели уборочку! Это вам не смехотворные предложения покрытых перхотью учителей начальных школ, крошечных гадиков с заложенными носами, маленьких, желчных, хитрожопистых заноз, шил в заднице, тараканов Футуристических Городов, близоруких с погремушками и вонью изо рта, прокажённых без язв, щенят беспородистой суки, конформистов маленькой досады, холерных вибрионов маленьких грязных водоёмов! Прошу прощения! Минуточку! Это Театр для всего Континента! на сцене 120 миллионов человек! не считая убитых, раненных, казнённых по случайности и принесённых в жертву в закоулках…

И снова расходы, генеральные репетиции, краснобайства по двойному тарифу, пронырливые болтуны, которых не накормишь гиперболами и которым нужно денно и нощно отстёгивать

пребенду и тройное жалование.

Восстание оказывается на коленях, когда все счета оплачены. Резолюции мельчают, румяные девы слегка бледнеют… “Прогресс, который идёт вперёд” — это настоящая бездна.

Даже с банком Варбург Кун всему этому в один прекрасный момент настали кранты. Вашингтонские денежки вызвали в степях такое обжорство, такой волчий голод, что в нём самом случилась небольшая размолвка, еврейские доллары заставляли себя умолять… русские комиссары злоупотребляли… Внезапно Ленин рассасывается, он удаляется в Финляндию… Он ходил в школу, он знал цену золоту… и независимость, которую оно даёт… Он не хотел остаться с носом… быть ведомым, как маленький ребёнок… Он не хотел быть под Троцким… Он дорожил своей свободой и не желал больше ни за кем плестись…

“Возвращайтесь же, мой дорогой Ленин”, Троцкий ни на день не оставлял его в покое… “Вся Россия нуждается в вас… Она благоговеет перед вами! Мужики не помнят себя от восторга! от перспективы благополучия! Возвращайтесь, наш сияющий отец! Ведите нас в новый мир! справедливого равенства! спасения обездоленных!

Чтобы всё было как по нотам! повсюду музыка! восторг от наших идей! Прогресс победоносно идёт вперёд! Он уже не мчится галопом! Он летит!...На вокзале будет весь хор… все делегации… все коминтерны… все Прогресосьевы… Безбожниковы… Трогранские… Сифоньевы !... Они все соберутся, чтобы приветствовать вас!... Приезжайте, мой дорогой Ленин! Скорее! Молю вас…Приезжайте!”

Но Ленин чешет затылок… Он сомневается… Он размышляет… он никуда не торопится… Он советуется… Он всё взвешивает… Он прогуливается по улицам Хельсинки… Он ничуть не горит желанием возвращаться… И тут ему приходит в голову идея… Он заходит в Вестерн Телеграф… У него есть шифровка для Нью-Йорка… Он говорит себе, что настал момент ею воспользоваться… И бац!... Троцкий отброшен…

“Кун Лёб и Варбург, Нью-Йорк.”

“Восхитительное восстание. ТОЧКА. **Но нужно ещё 100 миллионов.** ТОЧКА. **Чтобы уничтожить Романова.** ТОЧКА. **Стереть следы монархии.** ТОЧКА. **Рекомендую отправить немедленно.** ТОЧКА. **Мне лично.** ТОЧКА. **Невский проспект очищен.** ТОЧКА. **Казаки с нами.** ТОЧКА. **Мелко-**

буржуазная опасность остаётся. ТОЧКА. **Ленин.** ТОЧКА. **Верный и надёжный.** ТОЧКА. **Упёртый.** ТОЧКА. **Твёрдый.** ТОЧКА.”

Это был классический, беспроигрышный ход, удар гонга для вкладчика, которой всецело озабочен, который обеспокоен своими ссудами, который всюду гоняется за мошной. Лёб не хочет остаться на бобах, сесть в лужу, он трясёт все двенадцать колен, все синедрионы, заставляет раскошелиться самых крупных магнатов лож и Уолл-Стрит, чтобы всё не расклеилось, чтобы его революция не дрогнула, чтобы она вылилась в чудовищный погром… Невообразимый ужас!... Гопля! последнее усилие! ещё 40! ну же! 40 миллионов долларов!

И всё это через Стокгольм-Хельсинки для одного плута!

Тарарах! Ленин загребает бабки! Теперь ему незачем откладывать, канителиться. Дело твёрдо налажено, бояться больше некого, появились основы, вклады. Золотишко хорошенько припрятано, божественный груз. Ленин больше не колеблется, он наводит марафет, прихорашивается, охорашивается, напяливает приличествующие случаю шмотки… потёртое короткое мужское

пальто… кепка счетовода… шарф… он в своём амплуа, он заучивал эту роль двадцать лет… назубок … и вот он перед вами — “человек слова, душа толпы”… он вживается в образ… Какое мастерство!... он прёт напрямки! он отправляется в путь! Чухчухчух! Чухчухчух! Петроград!... Он кипит, как котёл…

Из поезда выходит настоящий Мессия… Обездоленные слушают его с упоением… Он больше не говорит о пустяках… Он говорит дело… Он может себе это позволить… Идеи… Ценности… Убеждения, которые поднимут весь мир!... и даже горы!... Американские башли с ним…В его венах течёт жидовская кровь. Каждый его слог оценивается в долларах… Ему отвалили кругленькую сумму… Инертность противника, разложение среди вражеских кадров, всё это тает во рту… как ореховое масло… как медовый напиток Невы!... Он говорит о золоте, и этим всё сказано!... Внезапно обездоленные словно с катушек съезжают… Оркестр гремит, как очумевший, всем музыкантам заплатили! Пьяная оргия на каждом перекрёстке!...мужики, доносчики, каторжники, потаскухи, жидокомиссары, чернорыночники — все танцуют фарандолу до посинения прямо на трупах, вот это гулянка! пир в честь Петра и

Павла! полька Достоевского! вальс “Серп и Молот” на скотобойне Великого Иуды. Кругом кутёж, кругом кровь. Это уже не скромная карманьола. Это грохочущая сарабанда! Пускай сам Господь Боженька порадуется, пускай Дьявол подаст ему кимвалы! будь я проклят! это безумие! да чтоб этот тарарам взорвался, чтоб вся земля содрогнулась! закружилась! расшиблась! бутылки повсюду! текут! капают!... Да чтоб мокрого места от всего этого не осталось!

К Мистерам Кун Варбург возвращается доверие, они наслаждаются телеграммами… вот это превосходный урожай! удовлетворение высшей пробы! никто не сделает лучше за такое короткое время! Это впечатляет, это бесценно, клянусь Исааком, клянусь всеми чертями, это блеск оргийного бриллианта! Нельзя отказывать себе в таком удовольствии, когда прибрал к своим рукам миллиарды! Иначе зачем они вообще нужны?

Оставалось лишь довести работу до конца. Про Романова забыли. Его оставили где-то близ Иркуска… с Мадам и детьми… С ними возились недолго… Они молились всей семьёй в глубине ипатьевского дома… Это не могло длиться веч-

но… Их порешили в подвале… Николая, Мадам и их детей… Их превратили в фарш… осталась только рука, которая по-прежнему хранится в Швейцарии в несгораемом сейфе… Так заканчивается жизнь великих…

И чтобы никто не сомневался в том, чьих рук это было дело… там повсюду на стене, рядом с полом, рядом с трупами, было вырезано на древнееврейском, кабалистическими каракулями: “СЛАВА И БЛАГОДЕНСТВИЕ ЕВРЕЙСКОМУ НАРОДУ”… Я собственными глазами видели фотографии этих расчудесных иероглифов. (Миссия генерала ХХХ в Сибири).

Разумеется, кто-то усомнится… Такие всегда есть… и всегда были… К чёрту их!... Идите и сами посмотрите!... в этих Иркусках!... Эти люди — не цари!... Я, разумеется, тоже… Это несомненно!... Меня беспокоит гармония обычаев!... Меня беспокоит та рука в Швейцарии!… которая однажды сожмётся в кулак… Продолжение идей… настойчивость Рока…

*

Коммунизм — это большая Лошадка, большой боевой конь еврея.

Есть только один способ справиться с ним — стряхнуть его с этой кобылы и забраться на неё самим. И мы это можем.

Еврей — это жулик, паршивый мудак и бездельник, он даже не будет знать, что ему делать с коммунизмом, когда он его получит. Он всё изгадит, всё загубит. Он не может иначе, это в самой его природе. Социальная справедливость для еврея? Для этого негодяя, фараона, пускателя пыли в глаза, прирождённого сутенёра всея света, истеричного сатрапа и выродока Востока, гибрида всякой мистики, неспособного ни к какому ремеслу, паразита всех времён и народов, мастера на все трюки, криворылого записного прощелыги? Это ваш новый человек? Прошу прощения! Это было бы дивом, это было бы чудом, это был бы первый раз, когда бы мы увидели, как еврей перестаёт сотрясать воздух, пакостить, интриговать и встаёт в один ранг с другим, идёт на работу, приспосабливается и вкалывает, как остальные, на равных условиях. Ещё чего! Такого не бывает! Это противоречит самой его природе! Высранный Моисеем, он ведёт себя как изысканнейшее дерьмо и водит дружбу только с другими высранными в Моисее, в Вечности! Он гниёт, он разлагается. В самой глубине его ублюдочного

существа есть только одна подлинная вещь — это ненависть к нам, его презрение, его страстное желание втаптывать нас всё глубже и глубже в братскую могилу. Чего он ждёт от коммунизма? Что он сдавит нам глотку ещё сильнее, что он свяжет нас по рукам и ногам в еврейских тюрьмах ещё крепче!

Батрачить должны все, да, но только под его началом! И ради чего? Его капризов! каково! его фантазий, его псевдо-черномазого апофеоза! В каждом еврее есть нечто от Лувертюра, я бы отправил их всех, сам лично, куда-нибудь в Сан-Доминго, на Карибы, им бы там понравилось, на островах они бы узнали, что такое коммунизм между своими, раз их больше не устраивает Палестина.

Если бы в недрах мясной туши Франции оставалась ещё хотя бы толика костного мозга, то мы могли бы попробовать, только между нами, прямо сейчас, знаменитый коммунистический амулет, универсальную панацею, прежде чем евреи навяжут его нам, не спросив нашего мнения, для своего триумфа и нашей гибели. Это элементарное благоразумие — евреи должны быть исключены, иначе — катастрофа, падение

вверх тормашками в бездну, кабалистический рептилиум, пучину задних мыслей.

*

Ненавидеть еврея недостаточно, вот что я вам скажу, с тем же успехом можно топтаться на месте, рассказывать анекдоты, стучать в барабан — его нужно поймать за его верёвочки и придушить ими. Вот это дело, вот это по-мужски. Всё остальное — порожняк, от всего этого тошнит, от всех этих якобы отчаянно антисемитских газетёнок — чего они на самом деле хотят? Это хороший вопрос. Чего они хотят? Занять место пархатых? Пристроить вместо них себя любимых? Чудесная программа! Тот, кто наживается на идее, уже отпетая сволочь, я не хочу верить в то, что они такие. Впрочем, ошибки быть не может, они могут дуть в свои трубы хоть до потери сознания, десятилетиями, веками — это не пробудит среди французского народа энтузиазм, не сдвинет вопрос с места ни на йоту. Французу просто-напросто чхать, его заботит только шкура, только беды, его шкура, его личные беды, его маленькая шкурка — и больше ничего, на остальное ему чхать, что до идей — они ему не нужны. Он холоден, он равнодушен. Все эти болтливые

газетёнки настроены оптимистично. Им так полагается, это их мундир, это их традиционная поза, это их растиражированное мурлыканье. Нужно производить впечатление уверенности в себе. Видеть свет в непроглядной тьме. Постоянное напряжение!... Им нужно молоть чепуху, приносить себя в жертву, им нельзя расслабляться ни на минуту... Иначе пузырь лопнет... Если они будут щериться, у них будут неприятности... Пузырь поднимается... толпа следит за ним, не сводит с него глаз, но подниматься она не хочет, она боится сломать себе шею.

Все эти лживые газетёнки просто уморительны, они почёсывают затылки... Так дело не пойдёт!... Они испытывают затруднения... Вот уже который месяц они пытаются растормошить холодное мясо... Окажись тут де Голль, он бы увидел перед собой настоящий труп!... Он и не подозревает, что французский энтузиазм мёртв!... Он бы в два счёта пришёл в отчаяние... Адель мертва, она больше не шевелится... Чего она хочет, эта Адель?... Отчизн ? низкосортных отрубов? простосердечности? натуральности? морального порядка? анафем? подписок? насилия? или телячьих нежностей?... громких процессов? великих поэтов? Ах! мы больше не понимаем эту дрянь... она

стоит в очереди и брюзжит… она возвращается восвояси и продолжает брюзжать… у ней есть только “требования”… она требовательна до самой последней молекулы мозга своих костей… её не воодушевляет ничего, кроме брюзжания… а ещё чёрный рынок… где взять сливочное масло? картошку? в табачном киоске!... табачница из Кутанса, она видела немецких солдат, не она, а её племянница, какое ужасное зрелище, они утонули в море, их вынесло на берег, их сапоги были наполнены водой.

И на этом всё. И это грустно. Передовые газетёнки унижаются, рвут на себе волосы, они на измене, они на карантине, французы их ни во что не ставят. Они не способны пошевелить мозгами и самую малость, все эти фанфаронишки, мнящие себя лозоходцами от политики. У них есть лошадка, они держатся за неё, сидят на ней верхом, гарцуют и даже не видят, что происходит на улицах. Рано или поздно чудовищный ураган реальности сметёт их с лица земли. Не нужно

быть великим астрологом, чтобы предсказывать подобные вещи. Но они гнут своё, в бессилии, в пустоте, от этого зависит вся их карьера, евреи здесь, ложи там!... но публику это интересует всё меньше и меньше!... Они храбрятся, они брави-

руют, они гребут против течения, они баламутят подписчика… “Движение обретает всё больший и больший размах… всё больше и больше вдохновляет наш народ… города, деревни… массы возбуждены! они требуют смерти масонам!…

жидам! и их ставленникам! из-за которых Франция оказалась в таком состоянии! в таком ужасном положении! в такой отвратительной передряге!”

Это ложь! свистуны! массы вообще ничего не требуют, они скорее готовы орать “Да здравствуют жиды!”, которые намного лучше умеют заговаривать зубы! Пустяки — говорят наши апостолы, не следует опускать руки, не следует чувствовать себя побеждённым, газета всё изменит, это листок надежды, который можно купить, который никому не причиняет вреда, давайте орать “Дед Мороз” — и он придёт! Это Эмиль Куэ для черни. Было бы честно признаться себе в этом…

Народ не настроен против евреев, он не жидоглот, он готов сожрать только буржуазию, буржуа, которого он знает как облупленного, знает его идеал, его яркий пример, его прямого покровителя, который родом из тех же мест,

из той же деревни, из той же дыры, который говорит на том же наречии, его преуспевший земляк, француз — это братоглот и ни на каплю не пожиратель евреев. В еврее никто не сомневается, антисемитизм — это пошлятина, сволочная выдумка буржуазии и её приспешников, чтобы отвлечь вполне справедливую ярость народа и перенести её на невиновного. Но народ не проведёшь, он прекрасно знает, на ком остановить свой выбор! он просвещён! “Еврей достоин похвалы, еврея нужно беречь, еврея преследует нацистский капитализм, еврея пытаются очернить расистскими бреднями, антиеврей — это кагуляр, враг пролетариата, фашистский лакей богачей, шишек, трестов, Венделя”.

Вот и всё.

Мы возвращаемся к вопросу денег. Величайшему вопросу нашего времени. Еврей загадочен, он ведёт себя таинственно, он интернационалист, он прикидывается бедным, его деньги невидны, у него есть небольшой акцент, и, значит, обаяние, а вот Арсен, его молочный брат, который преуспел, работая басонщиком “Джерси, все виды макраме”, который родился на улице Безив, в трёх домах от Почты — вот он тот ещё мерзавец!

который разъезжает на своей колымаге, у которого есть вилла у моря и горничная для двух детей, будь я проклят! как его земля носит ! сволота подрасстрельная! туда ему и дорога! Вы хотите коммунизм? Оп! Пёс! Подавайте горяченьким! Вы выдохнитесь раньше меня! Я не стану защищать этого Арсена, эту мордень, этого зловонного буржуя, нео-жида, тартюфа, этого низкого выскочку. Никогда! Сотрите с лица земли эту грязь! Его пример заражает других. Давно пора было это сделать. Ни Ариэль, ни Калибан, удобрение, на котором ничего не вырастет. Гнилой ариец стоит не больше, чем еврей, возможно, даже чуточку меньше.

Так мы далеко не уедем… что нам делать с этим богатырём? Никто больше не знает, как его оживить… Его хотели немножко взбодрить, вернуть ему немножко резвости, аппетит к великим делам, вкус к высоким чувствам… Он фыркает, ему не нужны ваши небылицы, всё, чего он хочет — это сожрать буржуазию, вот что ему нравится, что его возбуждает… Он становится мрачнее тучи, когда ему мешают завтракать… Ему не нужны ваши безделушки! ваша дохлая петрушка, ваш пузырь идей, он хочет парную тушу упитанного буржуа, кусок фаршированного рулета, жирную

свиную шкурку… Ну что за сволочь!... Он готов сожрать даже норку и туфли из крокодиловой кожи — 1 225 франков за пару. Вот чего он хочет, он хочет всего, всё это обещают ещё с мая 36-го.

Никто так и не смог склонить его ни к войне, ни к миру. Он завистлив, он скрытен, он пускает слюни, он худший из клеточных зверей, он больше никого не уважает, на него больше нельзя смотреть без отвращения. Он превратился в омерзительное животное. Он хочет проглотить буржуазию. Ну так дайте же ему её, чёрт возьми! Всё это тянется вот уже 12 столетий! Сейчас или никогда! Вы хотите катастроф или нет? Еврей уже всё подготовил, тем хуже для вас, тем хуже для нас! Может статься, что, когда он наестся буржуазией, он обратит свой голод против простого народа… всё более и более ненасытный! И тогда он узнает, что такое счастье!

Это как в кондитерской, никто не запрещает молоденькой девушке, новой продавщице, пробовать свой товар. Напротив, их даже поощряют. “Возьмите вот эту! возьмите же её! Попробуйте из всех этих замечательных баночек! Угощайтесь на здоровье!...” Через неделю они их больше не хотят, они наелись ими до конца жизни. Теперь

они знают, что такое конфеты.

Буржуазия, что бы она о себе ни мнила, далеко не Всемирная История, она лишь преходящий момент. Её следует съесть вместе со всем остальным, как только она созреет. Она не должна требовать невозможного — необоснованных отсрочек и неподобающих промедлений. Настала роковая минута, час пробил. В двадцатых годах их дочерей брали в жёны, в 1942-ом общество сожрёт свою буржуазию. После выдачи зарплаты ими унавозят почву. Их уже превратили в консервы. Вот такую им окажут услугу. Они будут страдать, если станут упрямиться. Скоро их не станет совсем.

*

Для народа коммунизм — это хитроумный способ пробиться в буржуазию немедленно, под шумок базарной драки. Нахапать себе привилегий и больше не чесаться.

Город будущего для черни — это его личный особнячок, 500 квадратных метров земли, тщательно обнесённых оградой с четырех сторон, по возможности с канализацией, и чтобы никто ему не докучал. И чтобы всё это было заверено у

нотариуса. Это мечта домашней хозяйки, мечта декадента, мечта женщины. Когда женщины доминируют до такой степени, что мужчины начинают мечтать подобно им, тогда можно смело сказать, что песенка спета, что благородство мертво, что страна превратилась в подстилку, как в военное, так и в мирное время, и может защищать себя только жалкими приёмами, что мужчины годятся только на роль взломщиков, которые потеряли проницательность и приобрели слащавость.

Кто в нём будет жить? жёлтые? белые? чёрные? чистые? смешанные? Может быть, мы все сдохнем во время пьянки-гулянки? Скорее всего, так оно и будет.

Словом, всегда будут и мужчины, и самодуры, подавляющее большинство, которым хоть кол на голове теши — их хата всегда с краю.

*

Ещё больший кретин, чем француз? Разве такое возможно? Особенно интеллектуал. Буквально одержимый всем, что связано с еврейской тарабарщиной. Сноб - мазохист. И расы не существует! И еврея не существует! А вот и я! Я знаю это! Я

знаю то! И ого-го! И ого-га! Я настоящий скептик! Ах! Гобино — что за олух! А этот Монтандон — что за шут гороховый! И Мишле — что за продажная шкура! Я отправлю тебя плавать на потрясающей, сногсшибательной, пиздафонической пороховой бочке с сотней тысяч пушек, грохочущих туфтой на сотню тысяч ладов! и всегда против здравого смысла, против собственной крови, против самого себя, всегда во славу еврея, его апофеоза, его гения, его неоспоримого превосходства. И, как обычно, этот маленький еврей где-то там, за углом, притаился, ощерился, осторожничает… шпионит за очумевшим гоем… вот он, успокоился, уверился, приближается… видя, как всё горит синим пламенем… кладёт свою руку на этого недоумка!… поощряет его, подзуживает, ласкает, гладит его… по шерсти… против шерсти… ликует… Ах! старый добрый ариец, он никогда не меняется, всегда готов доставить радость своему еврею! Ах! он такой верный! Ах! он такой преданный! Ах, он такой сочный-пресочный! И вот он снова в деле, этот недоумок, исполненный подлинного, щемящего гуманитарного сознания.

“Ах! Чёрт возьми! Расы нет! Еврея тоже нет, едри вашу мать! Какой ещё еврей! Что за вздор! Что за гнусная мерзость! Что за фашистская

дребедень! Разве это не позор для нашей эпохи — видеть подобных динозавров? а кровь невинных жертв! что течёт из сердец апостолов! толоча, растаптывая, разрывая на части саму субстанцию истины! её сияющую плоть и музыку!”

Маленький еврей упивается! Его охватывает неистовый экстаз! глядя на такого храбреца, говорящего такие прекрасные вещи! исполненного такого похвального энтузиазма! влюблённого! воодушевлённого до неузнаваемости! пускай это преобразит его! опьянит его до синих чёртиков! чтобы он был уверен, что рас больше не существует! Без ума и памяти от своего слюнявого триумфа! от того, что он может сколько влезет, хоть до потери чувств пороть свою ахинею…

“Я! поглядите! я! я! я! я сказал, что! что! что! и тыры-пыры! Раса то!... раса это! расы нету! нету! нету! нету!...” да и вообще он сам себе раса, раса “меня! меня! меня! меня! меня!”… Восемнадцать миллионов мудозвонов в одном флаконе.

*

Ну, конечно, само собой, я вас понимаю, это так прекрасно, так тонко, это такая редкость, такое изящество — искать и найти свою расу,

выставить напоказ своё потомство, свой дух, благородство своего этноса. Эге! Вот что спасёт нас от вульгарности! заставит вас благоухать! Мы выведем самую роскошную породу! отборную! элитную! что будет дальше?... Это избавит нас от всех бед…

Раз так, то что, по-вашему, такого ценного во “французе”, что стоило бы сохранить? Оскудеет ли хоть немного мир, если он вдруг возьмёт и исчезнет? Самым настоящим образом потонув в грязи афро-азиатских совокуплений? Возможно…

Увы, но я вынужден признаться… Что я вижу?... Что я слышу?... Ни единого повода хорохориться и подзадоривать народ… ничегошеньки… только всё та же маленькая улыбочка, позвякивающая, как родниковая струйка, таящаяся, резвящаяся во мху…

О, как счастлив тот, кто её слышит, наслаждается ею и затыкается! не омрачая свою радость тем, что боится показаться смешным, фантастическим и хрупким, как само детство, бесконечное и фееричное до мозга костей…Это бесценная магия, которая поднимается от земли и от людей, рождённых на ней…

Подойдите сюда…Подойдите туда… послушайте это…

Сотрите в порошок этот каркающий маразм! эту базарную, лживую Фурию! эту зловонную, мужеподобную марамойку!

Идите сюда… прислушайтесь к этому… жаворонок, исчезающий в небе… Ну же! Ну же! ещё выше! прямо в синеве! быстрый как стрела! такой восхитительный… свободный храбрый радостный хрупкий… исполненный восторга… мелькающий в вышине средь звёзд… тускнеющих на рассвете… Ах, какая прелесть, какая радость!... чисто наша, французская… вот это мне по душе… ничуть не вынужденная… оглушительная, как итальянцы… радость прежде всего! Радость — это всё!... Я хочу петь и танцевать…Для чего мне здравый смысл… Зачем мне рассудок? обоснованность? замысел? они мне не нужны! И весь мир тоже… Огорчённый Цезарь нисколько не задевает меня своими словами, говоря о нас: “Они обещают, они смеются, вот и всё”. Тем хуже!

В гробу я видал мистера Бена Монтэня, этого краснобая, этого ушлого раввина…В нём нет ни толики того невинного, плутовского, шаловливого, трогательного веселья, которого я ищу… Мне

ближе “Кукушка” Куперена… вирелэ Кристины… бранли Жервеза!… Я хочу умереть от смеха, но легко… два-три стишка Белле мне дороже, чем весь Расин… Я хочу немного прослезиться, но танцуя… Я ветрогон… Стенания Ифигении меня утомляют… Гермиона непристойна и своевольна…

Тёмные делишки заднего прохода.

Мистер Монтэнь ни капли не лиричен, и, на мой взгляд, это настоящее преступление, он плетёт свои невнятные талмуды, свои учебники для “Идеальных Жидов”, апатично бздит и испускает софизмы… Ужас!

Огромная потребность быть растроганным… чудеснейшим образом избавленным…от своего паралича, своей серости, своей обузы!… вознестись прямо к облакам, которые так переменчивы!... Довольно!

Что мне за прок от ваших нравоучений, я хочу легкомысленной свободы… жизнь ничтожна без причуд… лёгких и сумасбродных…К чёрту всех, кто нас стыдит! Мы хотим танцевать! Нам чужд здравый смысл… зато мы мило улыбаемся и танцуем… под музыку нашего взлёта…Как мало

нужно для энтузиазма… всего лишь полёт жаворонка в небе… и та небольшая радость, которую он испытывает, паря над нами… там вверху, вверху… радость упорхнула, вспугнутая внезапным стыдом и мучительной тоской…

Ах! унесите нас снова с собой, волны! лавины мудрости!…Увы! мы утонули в своём Знании!

Всё это нас губит и убивает…

Если наша радость погаснет, сами боги будут сокрушаться…

Увы! небеса тогда станут ещё тяжелее…

Мы хотим жить ничего не зная… Мы хотим умереть от смеха…чем беспечнее, тем лучше…

Преследует ли нас всё ещё Рок?... сурово и горько ворчит рассудок…

*

Нас спасёт только радость, а не заводы! ни те планы, ни эти, ни брюзжание записной бестолочи, ни стратагемы нахального ублюдочного мурла, ни бетонные заплаты в “эйфелевыхбашнях”, ни тресты с концернами, ни крупные тейлористские катастрофы, ни делирий пирамид, ни

громадные зловонные махины, обрушивающие на наши учтённые жизни Великий Потоп чугуна и шлакоблока, ни параноидальные наслаждения. Будь прокляты все печи и трубы!

Давайте пестовать и чествовать нашу музыку, нашу! которая позволит нам радостно вознестись над всеми ужасами Времени в бесподобном, дивном, раздольном полёте! в собственное удовольствие! по собственной прихоти! под флейты! кларнеты! хрупкий барабан! Давайте обнимемся! Ни капли жалости к пузанам! и кислым рожам: жертвоприношение! лекарство для собак!

Разумеется, танец обойдётся в копеечку! будь я проклят! мы заказываем музыку! Кто будет расплачиваться? Богачи, разумеется! Они пришли к нам из глубины веков, чтобы непременно нас развлечь, побаловать нас своей щедростью! Вы в этом сомневаетесь?

*

Ах! давайте вернём нашу радость! где она прячется? Под звонкими монетами? Давайте разделим их! Ах! Весь мир будет удивлён, узнав, что французы делятся деньгой! Такого ещё не было! Ах! давайте вернём нашу радость! Ах! бросимся

приносить жертвы! Ах! Больше никаких унылых мин! веселее! веселее! станцуем польку! давайте делиться!...Почему люди перестали простодушно смеяться и петь весёлые куплеты? Монетки! монетки! вопрос решён! Гарпагон в петле!

Ах! воистину ярый сторонник социальной справедливости. Необходимо установить справедливость, и прямо сейчас, а не через десять лет! Чёрт возьми! Это оздоровит атмосферу, очистит её от злобы! Необходимо установить справедливость, позволить угнетённым поквитаться, но не потому что это доставит им удовольствие, а потому что это и есть выздоровление, бальзам для завистливых, жадных, одержимых мошной, для всех и каждого сегодня, для всего общества, у которого на уме одни деньги, буржуа думает, как бы они не растворились, бедняк — как бы их у него стибрить.

Это болезнь, в которой все единодушны, необходимо расправиться с ней единым махом! надрезать гнойник со всех сторон! пускай он извергнется, и дело с концом!

Пока мы не откроем мошну, у нас с вами ничего не выйдет, всё остальное лишь — злосчастные припарки для гнусной падали, напыщенный

понос, барабаны, чёрный рынок и иже с ними…

Тут дело не в разговорах, не в моральном порядке, не в полиции и не в выборах, речь идёт о кругленьких суммах, необходимо опустошить карманы, распахнуть сейфы, выставить всё на общее обозрение. Это и есть гигиена без пачулей, это отмоет грязную жопу общества, после чего оно сможет смело кокетничать. В настоящем виде оно лишь грязь, инфекция, приводящее в уныние безобразие, оно уже даже не смешное, оно поистине никакое вообще.

*

Срединная революция?

Как вы собираетесь её осуществить, мой милый друг?

Я устанавливаю заработную плату в размере 100 франков в день максимум, при этом регулярный доход оставшейся буржуазии составляет ту же сумму. Таким образом, я никого не оставляю голодным в ожидании нового порядка. Никто не может заработать больше сотни, включая диктатора, это средний размер оплаты труда. Весь излишек идёт государству. Радикальное средство от зависти. 100 франков не состоящему

в браке, 150 — супружеской чете, 200 — тем, у кого трое детей, сверх того 25 франков за каждого малыша после третьего. Максимальная зарплата — 300 франков в день для многодетного папаши. Это редчайшее исключение, в среднем — 70-100 франков.

Разумеется, кто-то будет негодовать, кто-то найдёт это несправедливым, те самые, которые не зарабатывают свою сотню франков… Извините! извините! Всё предусмотрено! 50 франков — минимальная зарплата, 75 — женатым, 100 франков — отцам семейства с по меньшей мере тремя детьми. Я подумал о них.

Разумеется, больше никакой безработицы.

Как вы её ликвидируете?

Я национализирую банки, рудники, железные дороги, страховые компании, промышленность, крупные магазины…Это всё? Я колхозирую сельское хозяйство, превышающее энное количество гектаров, пути сообщения, соберу зерно, пшеницу, коров, кур с их яйцами, я найду работёнку для каждого. А если кто-то не захочет работать? я отправлю их за решётку, если они больны, я стану их лечить.

Таким образом, больше не будет никаких проблем, необходимо, чтобы на это решились все, о поэтах я также подумал, я заставлю их создавать развлекательные фильмы, весёлые мультфильмы, которые будут воодушевлять, люди нуждаются в этом. Как только они отвлекутся от своего брюха, от своих кишок, у каждой маленькой надежды появится своя возможность.

*

Большой коммунизм не нужен, они ничего в нём не поймут, нужен коммунизм Лабиша, коммунизм мелкой буржуазии, с маленькими павильончиками, семейными, передающимися по наследству и неприкосновенными, садом в сто пятьдесят квадратов и страхованием от всего. Каждый человек — маленький собственник. 100 франков — максимальная зарплата, состоящим в браке — 125, пожилым — 150. Разумеется, начнутся ужасные споры, оглушительное карканье консьержек, рай для домохозяек, они без остановки будут перемывать кости загребалам, имеющим по 4 или по 5 детей, но это уже не будет иметь никаких последствий, разница в 25 франков не вызовет в народе восстания.

Возьмём самого пошлого, возьмём самого ме-

лочного, чтобы быть уверенными наверняка. Возьмём самого больного и рассмотрим его таким, какой он есть на самом деле, а не каким его представляют себе апостолы, жаждущие больших перемен. Он жаждет лишь маленьких удобств.

Когда ему станет лучше, тогда и будет видно, тогда мы ему и предложим проекты, грандиозную симфонию авантюр, но мы ещё не дошли до этого, вашу мать! Если мы превзойдём его понимание, он взорвётся, он обделает свои штаны, он покроет вас матом, он спрячется в кустах, он потеряет землю под ногами… Он прогнил от зависти, как буржуа от жадности. Это один и тот же микроб, одна и та же трепонема.

Вот откуда у них абсцессы, вот что их мучает и заставляет кривить рожи.

Прооперировать обоих, разом, одним ножом, вот это Провидение и милосердие, вот это возрождение общества.

На них тошно смотреть, как они, во всей красе, корёжатся в дерьме, нужно действовать, это долг, это обязанность хирурга, простейший, аккуратный надрез, почти без крови… небольшой

дренаж… кое-какие лекарства... и всё… от недели до десяти дней…

*

Я не люблю слабовольных дилетантов. Дело нужно доводить до конца, либо не браться за него вовсе, нельзя всё бросать на полпути, чтобы над вами все смеялись.

Если мы собираемся делать революцию, мы должны сделать её не наполовину, необходимо, чтобы все были довольны, осторожно,
плавно, осознанно, чтобы ничего не упустить, чтобы сделать всё, что в наших силах.

О чём ещё мечтает Франция? 99 человек из 100? Быть и умереть должностным лицом, с пенсионным обеспечением, иметь что-нибудь скромное, но определённое, сохранить достоинство в жизни.

И отчего не доставить им это удовольствие? Лично я не вижу в этом ничего дурного. Это идеал коммуниста — независимость одного, гарантированная зависимостью ото всех. Это положит конец всевозможным “Каждый сам за себя”, “все против одного”, “один против всех”. Вы скажете: От них не будет толку. О! Как сказать… Мы ещё

поговорим об этом… Я считаю совершенно естественным, что простой человек хочет прожить спокойно до конца своих дней. Это нормально... и обеспечение занятости… это мечта каждого. Я не вижу ничего хорошего в обеспокоенности, я сам был обеспокоен, уж я-то знаю, почём фунт лиха! В этом деле я первый знаток, тем не менее, я испытываю ко всему этому отвращение. Я не понимаю, чем это может послужить возрождению общества, желанному движению прогресса, когда ты рвёшь жопу как проклятый, зарабатывая одни неприятности, и непрестанные мучения превращают твою жизнь в крематорий.

Всегда есть изнеженные богатеи, обеспеченные сыночки архиепископов, которые талдычат вам о прелестях мук, я им вручу тележку! ага, солидную такую ручную тележку и школьный аттестат! в 12 лет! они у меня узнают, что такое вкус страдания!

*

Еврей хочет того же самого, что и мы, он всегда согласен с нами, но с одним условием:

Что отдаёт приказы только он!

Он за демократию, прогресс, просвещение, но

только чтобы всё было по-его.

Большие этикетки и большая подлость.

До формул ему нет никакого дела, он выпутывается всегда, при условии, что именно он отдаёт приказы, так или иначе, через третьих лиц, через секретные поручения, через банки, через всеобщее избирательное право, через полу-евреев, через масонов, через династические браки, всё что угодно, через Советы, при условии, что именно он отдаёт приказы!

Он обстряпывает свои делишки в североевропейских монархиях так же ловко, как и в калмыкских коминтернах или мексиканских ложах. Он всюду как рыба в воде, при условии, что именно он отдаёт приказы, никогда не выпуская из рук нитей.

Он поёт всё, что мы пожелаем, он будет танцевать под любую музыку, кривляясь с обезьянами, воя с волками, извиваясь со змеями, имитируя любых животных, любые расы, при условии, что именно он отдаёт приказы.

Он мимикрист, он шлюха, копируя других, он бы уже давным-давно растворился, если бы не его жадность, его спасла жадность, он изнурил

всех людей, всех животных, вся Земля от него в полном изнеможении, измученная его махинациями, но ему всё мало, он ещё не насытился, он продолжает заёбывать весь свет, небо, бога, звёзды, он хочет всего, он хочет больше, он хочет луну, он хочет наши кости, он хочет наши потроха, чтобы украсить ими шабаш, чтобы развесить их на карнавале. Он больной на всю голову, он конченый выродок, лживая истеричная обезьяна, самозванец из зверинца, злоебучее суетило, крючконосый гибрид, помешанный на заговорах. Он сопровождает нас всюду, это настоящее бедствие, этот монстр прилип к нам, как чума, он забрался на корабль, притворившись настоящим животным. Стоит ему только почувствовать свою власть, и он больше никогда не оставит нас в покое.

Кто вышвырнет его за борт?... уже никто… мы устали спорить… Он орёт как ошпаренный, когда его толкают… Он изнурил всех…Пускай он верховодит…

*

Еврей боится только одной вещи — коммунизма без евреев.

Счастье без Маркса и его потомства… Для него это конец света…

Это настоящий переворот…Это взрыв солнца… Это выстрел в голову…

*

Я уже вижу “молоденьких поборников”… бюрократов средней руки, полных желчи и житейской смётки, болтливых моралистов… добросовестных, неугомонных…По горло в работе, во лжи… Труд-спасение! Труд-фетиш! Труд-панацея-для-ненормальных! Труд исцелит Францию! Любой труд!...Массы трудятся! едрёна мать! Трудятся отцы! Трудится бог! Трудится Европа! Каторга для всех! Трудятся дети! Вкалывают матери! Гори оно всё синим пламенем! Великая оргия задротов! Это всё прекрасно… но давайте подумаем о чём-то более конкретном, о тех, кто будет гнуть хребтину… тех, кто не сидит в бюро, упиваясь статистикой и многообещающими чертежами…Тех, кто будет воплощать все эти расчудесные проекты, кто будет вкалывать до седьмого пота на самом дне угольной бездны… кто всю жизнь будет охуевать среди волочильных станков и вони смазочного масла на тошнотворной вакханалии фабрик. Осязаемое — это не шутки…

Прошу прощения!...Прошу прощения!... нужно подумать!... нужно спросить у самих себя, куда нас это приведёт?... что если всё это ложь, простой способ избавиться от нас?... Говорят, что машина озлобляет... противное было бы удивительным. Это в высшей степени антигуманно, загонять вот так подрастающее поколение, людей среднего возраста, согбенных стариков в скобяное чистилище на целые дни, года, на всю жизнь... без выхода... без музыки... до конца ваших дней...

Кто пойдёт туда по собственному желанию? Уж точно не наши дражайшие прорицатели, наши любезные пылкие поборники, им не позволяет их культура, их хорошее образование, их положение.

Завод как сортир, он неприятен, но он нужен, это вынужденная необходимость материальной жизни.

Хорошо, прекратим жеманничать, завод есть, мы мужественно это признаем, но чтобы сказать, что это весело, что для людей это праздник, что это счастье — быть рабочим — уж извините! ложь! пиздёж! провокация! каннибальство! С тем же успехом можно назвать царским троном сраный толчок, это из той же серии, такая же

омерзительная ложь.

Само собой, мы не можем просто взять и ликвидировать заводы, сколько же часов по вашему пустоголовому представлению должно пройти, чтобы работа была завершена? все штифты были в отверстиях, чтобы вы больше никого не заёбывали? чтобы ваш субподрядчик по возможности не успел околеть, чтобы всё это не превратилось для него в пытку, в человеко-дробилку, в мозговыжималку?...

Ах! Это очень сложный вопрос... в высшей степени деликатный. С вашего позволения, я рискну поделиться с вами своим опытным мнением, как врач, я практиковал годами, немного тут, немного там, практически везде, и, всё как следует взвесив, я думаю, что для простого человека, чтобы окончательно не превратиться в осла среди заводской свистопляски, достаточно 35 часов в неделю, это максимум.

Дело не в одних грохочущих машинах, всюду, где царит принуждение — это те же самые яйца, только в профиль, — предприятия, бюро, магазины, болтовня клиентов не менее пиздопротивны, чем заводские центрифуги-дробилки, всюду, где кто-то завладевает человеческим сознанием, что-

бы превратить его в подсобный материал, в насос для прибыли, мгновенно начинается настоящий ад, 35 часов — это уже кошмар. Вот вам доказательство — что-то не видать среди молодёжи шибко много охотников, до чёртиков желающих встать за токарный или фрезерный станок у Ситроена или на Robot & Co, как и торговых служащих, самозабвенно мечтающих посвятить свою молодость витринам у Потена. Их просто нет. Их останавливает инстинкт.

Берегитесь инстинкта больше всего! Это он делает нас невыносимыми! Злосчастные закосневшие мерзавцы! уже не знающие, каким крючком нас подцепить, обрубки на дьявольских табуретках, вросшие в сиденья сотни тысяч драндулетов, полоумные четырёхглазые заговорщики, близорукие формалисты, однообразные до тошноты.

Необходимо снова научиться танцевать. Франция счастлива, пока танцует ригодон. Люди не будут танцевать на заводе и никогда не будут петь. Если они больше не поют — они мертвы, они перестают делать детей, они запираются в кинотеатрах, чтобы забыть, что они существуют, они спускаются в склеп иллюзий, чёрный, как

сама смерть, вместе с фантомами, переполняющими киноэкран, они уже убиты, раздавлены прямо в кресле, они покупают своё маленькое разрешение, прежде чем проникнуть за дверь, своё разрешение отречься от всего, лицемерные покойники, разрешение опуститься в братскую могилу, мягкую, сказочную, влажную.

*

У Франции серьёзные неприятности.

Ей угрожает практически всё — евреи, масоны, Англия, военное поражение, вздорные стычки растерянных кельтов, немощные требования, ненависть одних к другим, капиталистический эгоизм, и т.д и т.п… Ей угрожает нехватка бензина, хлопка, меди, пшеницы…

Но в первую очередь она погибнет потому, что она больше не производит достаточно детей, это просто как дважды два — больше нет детей , больше нет Франции…С нашими налогами, это не удивительно, через 20 лет у нас уже не будет молодёжи… останутся одни старики с эмфиземой и горбами… Вопрос решится сам собой, вместе с остальными… Вечная Франции сыграет в ящик… от паршивой демагогии и кровавых боен… тут

и думать нечего… Проблемы дома для престарелых — это забота заведующего хозяйством, нам больше не нужен премьер-министр… суппозитории… липовый отвар…Одним словом, мы стоим на краю могилы. Дело в полном отсутствии жизненной силы… Курица больше не желает высиживать яйца…Ах! горькое раздумье! Сенату есть от чего схватиться за голову! Разумеется, есть семейный кодекс! Но он бессилен и ворчлив! он угрюм! Я сомневаюсь, что он у кого-то вызовет эрекцию…

И тем не менее, речь идёт именно об этом…Много бумаги, мало энтузиазма. Нужно донести это до всех… Вы разглагольствуете об удалом прошлом!...Сплошные отвратительные катастрофы… Бессмысленный Верден… Хвала снарядам… Салют! Вы осточертели даже диким животным. Вы разглагольствуете о прелестном настоящем… Вы разглагольствуете об удивительном будущем… каторжный труд, жертвоприношения, горы падали всюду, насколько хватает глаз… Ваша программа не заводит… Вы это понимаете? Мы выжали из себя 400 миллиардов, чтобы оказаться в том положении, в котором мы находимся сейчас… на коленях…внизу… ни с чем… Это тоже был один из грандиозных проектов,

которому содействовала вся элита, изящный цветок высокого масонства… чтобы усилить весь этот трах-бабах!...

Какие чревовещательные обмороки!...

Какие неистовые проклятия в адрес благополучия! какая дерзейшая уверенность! И кому всё это нужно? Тем же самым… их глотки снова пузырятся… Чтобы всё началось заново?...

Минуточку! Позвольте пораскинуть мозгами… спросить себя, куда нас приведёт новое оседлание вашего конька… спросить себя, чем кончится вся эта авантюра? Вот что нас интересует… Какие подлянки они затевают? Чемпионаты по истощённости?... Мы будем соревноваться с Русскими… с Берберами… в беге с препятствиями за первое место по нужде?...

Немедленно поставьте нас в известность…

Вам больше не нужны дети?

Вам хватает стариков? Ах! Паршивое дельце! Лучше признаться в этом. Доверия больше нет, детей тоже, они схоронились в недрах утроб.

Жажда жизни иссякла.

Это заметно во всём, в наших гримасах, в наших надломленных характерах…

Доверие погибло раз и навсегда.

Нет гарантий, нет семьи! Нет лёгкости, нет красоты, в наших движениях, в наших сердцах…

Без детей — нет радости.

Как вернуть доверие всем этим хмурым людям, воротящим нос от любовных утех, стеснённым во всём?…

Я думаю, что нужен другой семейный кодекс, гораздо более жизнеспособный, более свободный, куда более благородный, чем кодекс сморщенных и пиздлявых презервативов. Нет! Нет! Настоящий кодекс, который бы объединял всё и вся — животных, имущество, людей, детей и стариков Франции — в одну большую семью, за вычетом евреев, разумеется, одна семья, один папа, один чтимый всеми диктатор. Словом, одна респектабельная семья, в которой больше не будет выродков, золушек, рыжиков, каторги для детей, “благотворительности”, где еда будет одна для всех, где не будет ни упитанных детей богачей, ни маленьких заморышей, над которыми потешаются, которые терпят нужду. Это будет общество

совершенно отличное от нашего, которое должно исчезнуть, оно напоминает непослушного пса, ничего страшного, если мы от него избавимся.

Все в одной школе! Все семьи объединены в одну семью, равенство доходов, прав, по-братски, все получают по 150 франков в день максимум, диктатор — 200, чтобы отдать ему должное, кроме того, само собой должно разуметься, что мы на каждом шагу будем тянуть из него каждую лишнюю лиру, вопрос достатка напомнит ему о жизни, чтобы он не расслаблял булки, как настоящий отец семейства.

Нужно всё построить заново? Что ж! Превосходно! Но не нужно дожидаться простатита, нужно начинать всё заново с детей, через детей, для детей. Именно с них начнётся настоящий расизм и настоящий коммунизм, только с детей и никак иначе, с взаимной доброжелательности, с желания, чтобы вся семья была красивой, здоровой, жизнестойкой, чистой, спасительной, радовалась своей красоте, силе, не только одна ваша маленькая семья, ваши двое, трое или четверо малышей, но вся Франция, как одна единая семья, а еврей пускай проваливает в свои Палестины, к чёрту на рога, на Луну.

Нам плевать на чужих детей! С нас хватает наших собственных! Каждый смотрит со своей колокольни! Этому безобразию нужно положить конец, раз и навсегда! такой эгоизм должен стать непостижимым! Чужие дети должны стать для вас так же дороги, так же драгоценны, как ваши собственные, вы должны думать и о них, как о детях одной большой семьи, вашей, включающей всю Францию. Вот что такое благополучие страны, настоящий социальный переворот, это когда папы-мамы повсюду. Всё остальное — сплошные бедствия, чудовищные аферы, китайская тарабарщина, напыщенное кривляние и абсолютно противоестественное дикарство, которое не приведёт ни к чему, кроме катастрофы.

Расизм — это семья, семья — это равенство, это один за всех и все за одного. Это когда кто-то кормит супом маленьких карапузов, у которых ещё нет зубов. Одна общая судьба, нация, раса, без ублюдков, без выродков, без пижонов и без избалованных, без маленьких господинчиков. Больше никакой эксплуатации человека человеком. Больше никаких обездоленных. С этим покончено. Больше никаких лоботрясов, никаких сутенёров тоже, никаких заправил, никаких людей с двумя, с тремя желудками.

Марксизм облажался по полной программе, его карты биты: сердца людей холодны.

Их согреет только семья, деньги их больше не объединяют, только раса, деньги их больше не разделяют, этой проблемы больше нет. Вся страна воссоединилась в семью со ста франками в день.

*

Судя по всему, сказочно богатая любовница одного из председателей совета, в настоящее время находящаяся в тюрьме, послужила вдохновением для недавно обнародованного “декрета о целомудрии”.

Да что там! Декрета о втирании очков! о якобы защите морали и семьи!

Чучело гороховое! сколько ханжества во всех этих омерзительных увёртках!
в её ослиных мерзостях! ухо всегда востро в прокуратуре!
(как у коммунистов) чтобы отвлечь жалобы, перенести гром и молнии
на кучку несчастных…

Ах! знаменитый трофей! чем это поможет процветанию семей, если мы скрутим трёх обо-

рванцев, трёх марателей бумаги, не способных подобрать правильное слово, посадим на скамью подсудимых дочерей Лота и ещё двух-трёх маленьких психопатов, которые хлещут плетьми самих себя…О несчастье! Французским семьям от этого не станет легче!

Я бы вам кое-что рассказал, мадам, будь вы до сих пор при дворе, но вы потеряли своё расположение… вы бы такого у меня наслушались… но вы больше не у власти… Не в моих правилах улюлюкать, я не привык нападать на слабых, падших, если я хочу задать взбучку Блюму, я делаю это, пока он на коне, пока он празднует триумф, и точно так же со всеми остальными, включая Манделя. Я не жду, пока их упекут за решётку. Я не делаю этого исподтишка в жалкой астматической газетёнке. Я не путаюсь в уловках и намёках.

Таким же образом я занял прогерманскую позицию. Я не ждал, пока комендатура вывесит флаг на Крийоне.

Если завтра вернётся Деладье (это вовсе не исключено, поверьте мне на слово), я уверяю вас, что снова разделаю его под орех, без всяких шуточек. Прежде всего, у нас с ним свои счёты,

это он осудил меня…А пока он для меня табу, он на земле, хорошо, я подожду…

Всему придёт своё время…

Я ненавижу подонков.

Кричать “Да здравствует Германия” нужно было при Дрейфусе, Лекаше и Кериле, а сейчас — это табльдот.

Но вернёмся к нашим семьям… Вы желали им добра, мадам? При всём моём уважении, вам просто чихать на них с высокой колокольни! Вы не сделаете их жизнь лучше, вымарывая непристойности из книг. Я сообщу вам одну очень важную вещь — семьи вообще никогда ничего не читают, разве что только Париж-Суар, и тот иногда… Их развращают не книги…Их развращает ваш пример, пример ваших привилегий, ваше продуманное тунеядство, обеспеченное рентой, ваше невозмутимое благоденствие паразита, купающегося в нуге. Вот подлинное нахальство, воплощённая непристойность! Вот настоящее бедствие, мадам, оно не в книгах, оно в самом вашем существовании.

Я вижу для вас только один способ помочь семьям, которые вам так дороги — высыпьте им

все ваши деньги, все атрибуты вашего счастья.

Вот что облегчит их страдания, только это, а не перестановка запятых, не возмущённая неприступность, не ёрзанья вокруг да около…Если вы хотите решить проблему, смелее вперёд! гоните ваши монетки! сюда! на стол! всё без остатка! вот тогда мы и поверим в вашу искренность, в то, что это не пускание пыли в глаза, в то, что вы действительно печётесь о семьях.

Раз всё это ради музыки, то мы тоже можем кое-что сочинить… безумные комедии, пасторели… Расин писал стихами для молоденьких девушек из Мантенона…

Ах! Не будем доверять этим любовницам!...забота о семьях для них как вкус к изящным искусствам — слабость, каприз, бзик!...

*

Я вовсе не собирался критиковать изящные искусства и обучение им.

Я не знаю, что может быть важнее, чем это. “Дайте мне исключительное право писать народные песни, и я встану над теми, кто составляет законы.”

Задумайтесь над этими драгоценными сло-

вами.

Вы говорите: “У народа нет никакого вкуса! Он любит одни фальшивки, одни помои…”

А кто бы привил ему этот вкус? Точно не школа, она ничему не учит. Людям нет никакого дела до вкуса, до энтузиазма, до страсти — единственных полезных в жизни вещей…В школе их не учат ничему, кроме идиотского, обескровливающего, опошляющего резонёрства, школа превращает человека в бестолочь. Посмотрите на детей в первые годы их жизни… они само очарование, сама поэзия, сама радость, само веселье…Но уже лет в десять, в двенадцать этому непосредственному волшебству наступает конец! выцветшие подозрительные скрытные упрямые язвы, маленькие паршивцы, к которым больше не подступиться, несносные, испорченные кривляки, мальчишки и девчонки, сварливые, съёженные, безмозглые, как их папамама. Это крах! В двенадцать лет он уже почти настоящий старпёр! Звёзды попадали с неба в кучи мусора и грязи…

Чуду пришли кранты!

В чём же причина? В половом созревании? Нашли что обвинять! Нет! Всё дело в школе,

великой извратительнице молодости, она выдрессировала их насильно, оглушила их с первого удара, школа обрезала им крылья под самый корень! Школа никого не воспитывает, она калечит, она кастрирует. Она не создаёт окрылённых людей и души, которые танцуют, она производит пресмыкающегося недочеловека, который ползает на четвереньках и раздувается от невидимых нечистот, человека-мусорную-корзину…

Ах! Это действительно величайшее преступление — запирать детей в школе на пять или десять лет, чтобы обучать их низким вещам, приёмам, как лучше закрутить мозги, опошлеть во что бы то ни стало, применить энтузиазм на вещи, которые покупаются, продаются, съедаются, сооружаются, на радость Капиталу, на вещи, с которыми надувают, которыми спекулируют, которые укрепляют штифтами, сверлят дрелью, вальцуют, паяют в сотнях механизированных преисподних, которые накапливают в этих помещениях, чтобы сбагрить их суетливому стаду скотоподобных покупателей…

Какой чудовищный фарс! Лишать детей их игр, тщательным образом связывать их по рукам и ногам экзаменами, с каждым разом всё более

безоговорочно полезными, превращать в свинец их живую энергию, ставить их на четвереньки и сковывать, чтобы зверь больше никогда не резвился, чтобы он навсегда остался прозаичным, раздавленным своим страшным ярмом до смерти, до крика, до желания всех войн на свете, чтобы только избавиться от своих пут, от того, что уже нельзя назвать жизнью, а только неким подобием загробного существования давным-давно погибшей радости, заживо похороненной в школе.

Если именно так и никак иначе и должно продолжаться наше существование, в том же самом духе, что и сегодня, на этом круглом куске дерьма, то я не вижу в этом особо много смысла… Катастрофы как развлечения… гекатомбы как десерт… это не никому не поднимет настроение… Возможно, мы могли бы принять некоторые меры, изменить наши обычаи… спросить самих себя, что с нами не так…Разве что мы сами любим эти зверства… великие изящные искусства катастрофы…

Изящные искусства важны, я критикую не их…Всё дело в том, как ими пользуются, вот в чём трюк… Возможно, они могли бы сверху донизу

обновить Европу со всеми её омерзительными болячками, вернуть ей немного души, смысла жизни, очарования и прежде всего радости, вот чего ей не хватает больше всего — радости, чтобы начать, и её собственной мелодии, опьянения, энтузиазма, расизма тела и души, который стал бы украшением Земли, фонтаном самых высоких чудес! Ах, чёрт возьми, она так в этом нуждается!

Ей нужен восторженный, идеальный, величественный расизм, а не крючкотворный, склочный и надутый от порожняковой гордости.

Мы подыхаем, потому что у нас нет легенды, нет таинства, нет величия. Небеса тошнит от нас. Мы гниём в подсобке магазина.

Вы хотите вернуть задор? творческую силу? тогда вот вам первое условие: Обновите школу! перестройте школу! и не чуть-чуть… а до самого основания!...

Реконструкцию нужно начинать со школы, без школы вы не измените ничего. Привести в порядок, культивировать, заставить её распуститься, сделать счастливой, приятной, радостной, и, наконец, плодотворной, а не угрюмой, сморщенной, страдающей запором, потресканной и пагубной.

Школа — это новый, совершенно фееричный мир, который уже готов появиться на свет, но в настоящий момент все наши старания содействовать этому чуду сводятся лишь к систематическому насилию и бесконечным выкидышам.

Вкус населения — подделка, самая настоящая подделка, оно тянется к подделкам, к фальшивкам, в точности как свинья тянется к трюфелю, по какому-то извращённому инстинкту, безошибочно, к фальшивому величию, фальшивому мужеству, фальшивому изяществу, фальшивой добродетели, фальшивому целомудрию, фальшивым людям, фальшивым шедеврам, к сплошной фальши, безостановочно.

Кто привил ей этот вкус к катастрофам? Первым делом — школа, начальное образование, саботаж энтузиазма, простых, творческих радостей напыщенной и чопорной картонной моралью.

Школа шпиговки, вдалбливания, вколачивания бездушной галиматьи не приведёт нас ни к чему хорошему, она порочит нас в глазах всей природы…

Больше никаких детищ педантизма! никаких цехов, подрезающих сердца! приплюсывающих

энтузиазм! оглушающих молодость! выпускающих одних обглодышей, плюгавых узловатых жертв обработки, пожелтевших как пергамент, способных влюбиться разве что в дробилку, лесопилку или измельчитель, работающий со скоростью 80 000 оборотов в минуту.

О строители и надзиратели пустынь!

*

Само собой, нужны весы, вес, весомое, измерения, точные науки, алгебраические расчленения, маслобоечная-сноповязальная математика, сопутствующие громадины, ошеломляющие сотней тысяч поршней и обратимых вращений, синтезы землеройных машин с разбрызгивателями сока из чудотворных перегонных кубов в десять раз выше Эйфелевой башни, вертикальные идолы двадцати трестов с большими печами из эбонита, дымовые трубы через все Альпы, стиснутые металлом течения, высокопрочные сточные трубы, с которыми можно заменить тысячи людей на дне шахты на полторы доходяги, все это исключительно точно и политехнически остроумно.

Отлично! Превосходно! Мы довольны!

Как это похвально! Большое спасибо! Мы гото-

вы заплатить за такой прогресс!

Однако всё это должно отойти на второй план… чинно и благородно… чтобы не компостировать мозги детям… иначе — катастрофа, ужасное кораблекрушение в Великом Потопе механических чудес… мы должны оставить ребёнка в покое, чтобы всё это не проглотило его мечту, весь этот всесильный электрический прогресс, потому что это столь дивно, драгоценно, драгоценно, как триста тысяч прогрессов, наша маленькая детская дудочка… как тысяча прогрессов триста тысяч раз и ещё тысячу раз десять тысяч лет, всё это не стоит маленького ригодона мечты, робкой музыки счастья, нашего крохотного детского припева…

Накройся политехническая школа медным тазом, мы не будем по ней горевать, когда все автобусы встанут, когда раз и навсегда закончится топливо, когда всему этому настанет каюк, мы прекрасно сможем ходить на своих двоих… мы вернёмся в те времена, когда пешая прогулка не была трагедией, когда это непременно не заканчивалось больничной койкой или тюремными нарами…

Я совершенно не против необходимого зла, в

некоторых случаях механизмов, троллейбусов, циклических насосов, вычислительных машин, я соображаю в точных науках, все эти безжизненные понятия нужны для блага человечества, прогресса, идущего вперёд…Но я вижу, что человек становится всё более суматошным оттого, что он потерял вкус к мифам, сказкам, легендам, он суматошен настолько, что вот-вот взвоет от лести, от преклонения перед точностью, прозаичностью, хронометром, весами. Всё это противно его натуре. Он становится, он остаётся круглым дураком. Он даже создаёт себе химическую душу, употребляя в немереных количествах алкоголь, чтобы побороть тоску, разогреть сталь, залить себе мозги и забыть о монотонности, он изнашивается, барахлит, чахнет, сатанеет, его уносят, садят под замок, ремонтируют, ставят на ноги, он возвращается, и всё начинается сначала… его хватает ровно на неделю

такой перенасыщенной жизни, когда от спиртяги все сто тысяч бубенцов разом гремят в его голове.

Он всё больше и больше верит в сверление, в многофункциональные счётчики, в катастрофы, которые балансируют на верёвке толщиной в 2/3 волоска, в феноменальные смерчи, низвер-

гающие в пучины, одержимый до мозга костей галлюцинациями пустоты, осмосом ничтожного дерьма, метафизикой идиотизма, загипнотизированный точностью, близорукий от науки, крот современной эпохи.

Он одурачен механикой точь-в-точь как наши отцы были одурачены ханжеством нечистоплотного монашества, стоит с ним только заговорить об атомах, рефракциях, квантах, как он тут же мнит себя современным до мозга костей, он свято верит, что всё это здорово и вечно. Он превозносит до небес учёных, как когда-то превозносил звездочётов, он пока ещё не отдаёт себе отчёта в том, что новое ничем не лучше старого, что оно не более хитроумное, не более совершенное и не требует от него больше мозгов.

Всё это грандиозное очковтирательство ещё больше отупляет нашего недотёпу, делает его ещё беднее и отвращает его от собственной души, от его маленькой песни, заставляет его стыдиться её, подрезает крылья его мечте, одурманивает бреднями в духе Месмера, пудрит ему мозги, превращает его в придаток машины, чтобы он отвернулся от собственного сердца, от своих собственных наклонностей, превратился в

бессловесную заводскую деталь, продукт производства,

в единственное на свете животное, которое больше не осмеливается прыгать от радости, в своё удовольствие, от нахлынувшего на него безудержного веселья, подчиняясь едва уловимому ритму естества и необоримому желанию пошалить.

Вот как черномазый разделается с нами! Он придёт и уничтожит всё! всё это зловещее сумасбродство! Он! Воплощение Анти-машины! которое всё гробит! и ничего не чинит! Анти-разумная сила природы! Уж он-то перетопчет всю эту одуревшую челядь, всех этих собак, ползающих под станинами!

*

По течению может плыть и дохлая рыба, но для того, чтобы развернуться и идти против него, необходимы отвага и нехилый запас сил.

Давайте ещё раз посмотрим на этих бедолаг, на этих вечных страдальцев, которые уже не знают, за что им схватиться, как мы можем вернуть им душу? немного музыки, ритма? чтобы они перестали быть такими, какие они есть — до

такой степени пошлыми, суматошливыми, тупоголовыми и пристыженными до последнего головастика, что на них тошно смотреть, их тошно слушать. Они ещё и кичатся этим! тем, что они дошли до ручки, эти бесстрашные холопы ещё беднее вьючного осла на пустом рынке.

Нужно быть настоящим героем, чтобы вправить всем этим молодцам мозги — сначала гражданам на моторах, затем гражданам на велосипедах, затем гражданам без штанов, без ботинок, с головами набекрень, всем этим треклятым кули, — чем мы можем им помочь? Немногим. Школьное обучение? Возможно… Перед заводом, перед бюро, перед пресловутой профессиональной ориентацией… Перед тем, как их согнут в бараний рог?... Возможно… Исподволь… Изящными искусствами… Только не на манер Мэнтенона или Расина, этих великих проходимцев. Увы, но времена уже не те. Нет былой роскоши… былой щедрости … когда душа купалась в изобилии… развлекалась вволю… люди пели, танцевали, веселились кто во что горазд…Увы, но времена уже не те. Мы стали скупердяями, тлёй, в нас не осталось ни жизненной силы, ни сердца. Давайте осознаем свой позор. Нужно начать всё заново со школы, с азов, с букваря унижения, вытравления

эмоций. Увы! чем помочь этому бесчувственному чурбану без ритма, без вкуса, без вдохновения, которого сегодня на нашу голову выпускает школа с её принудительными и утомительными занятиями? Абсолютно ничем. Зажатый, скованный, полудохлый, раздражительный, пугливый, упрямый, плутоватый, скрытный, он обнюхивает всё, но не любит ничего, бахвалится всем, но не понимает ничего, ах! маленькое ничтожное стерильное явление! болезненный отход омерзительной драмы, той, что выхолащивает души, делая их покорными указке прогнившего педантизма!

На нём можно ставить крест, он превратился в одни кости, которые будут вечно греметь в чудовищных механизмах машин, ему не остаётся ничего, кроме как ждать своей очереди на войне, где наступающие танки измельчат эти кости до консистенции удобрения, или они достанутся мине, или тротил разнесёт эти жалкие косточки в щепки.

Взрослому уже ничем не поможешь… Никакой революцией!... слова… слова… и больше ничего… Дети — наше единственное спасение. Школа. Но отправляться следует не от точных наук, не от

гражданского кодекса, не от безучастной морали, но от Изящных Искусств, энтузиазма, эмоций, от живого дара творения, от обаяния собственной расы, от всех тех прекрасных вещей, которые мы отвергаем, которые мы травим, которые мы подавляем, которые мы растаптываем. Чего хочет это общество? кроме молока в местной лавке, караваев, холодильника?

Члены общества, способные понимать друг друга, восприимчивые, открытые друг другу, не угрюмые дикари… которые видят смысл в том, чтобы собраться всем в месте, добровольно, не затем, чтобы самодовольно поразглагольствовать о своих ебенях, своих 35 лошадях, “квакваквакваква”, своих изящных тележках и прочих смердящих провинцией прелестях, но поговорить о вещах, которые не покупаются, которые делаются сами собой от внезапного прилива вдохновения, хорошего настроения, жизненных сил, энтузиазма, как по волшебству, от безграничной радости…

Никакое прочное общество немыслимо без непрестанного творения, без художественного самовыражения, всех и каждого, особенно сейчас, в наше время, когда нас окружают одни механизмы, агрессивные и омерзительные.

*

Неужели быть художником — это нечто сложное, исключительное, сверхъестественное? Всё как раз наоборот! Сложно, противоестественно и странно им не быть!

Нашим учителям, вооружённым школьной программой, требуется долгое и чудовищное усилие, чтобы убить в ребёнке художника. Это не происходит само собой. Наши школы только этим и заняты, это места, где подвергают пыткам кристально чистую невинность и весёлую непосредственность, душат птиц и изготавливают скорбь, которая уже сочится изо всех щелей, как незамысловатая социальная пропитка, которая проникает повсюду, хватает за горло и уничтожает на корню всю радость жизни.

Каждый человек, сердце которого ещё бьётся, слышит свою песню, свою маленькую личную мелодию, свой чарующий ритм в глубине своих 36°8, в противном случае — он труп. Природа в свою очередь тоже тиранична, она принуждает нас есть, добывать себе жратву целыми телегами, тоннами, и уж конечно она может вложить какую-нибудь изюминку в этот чёртов каркас. Эта роскошь оплачена.

В каждом животном есть художник, у них всегда найдётся время для развлечений, баловства, для своего ригодона, для своего маленького праздника, самая жалкая, несуразная, невзрачная зверушка, самый свирепый хищник, даже такой отвратительный тарантул — все они танцуют! резвятся! смеются! час настал!

Слепые ящерицы, лобковые вши, сердитые и ядовитые гремучие змеи
— у всех есть свои спонтанные периоды импровизации и восторга, — почему только мы можем быть такими недоразумениями, самыми большими говнюками во всём мире?

Мы постоянно говорим о малышах, а они смеются, они вертятся, они счастливы весь день. А мы забиты и затравлены, мы провалили всё.

И кому за это нужно сказать спасибо? школе и её программам.

Спасение в изящных искусствах!

Вместо того чтобы заучивать причастия, деепричастия и всякую геометрию с малоинтересной физикой, нужно совершить переворот во взглядах и выдвинуть на передний план музыку, хоровое пение, живопись, новые виды танца,

необыкновенные ригодоны, всё то, что придаёт жизни благоухание, игривость, заставляет дух расцвести, воспарить к самим облакам.

Вот это школа так школа, увлечённость изящными искусствами, возвращение жизни её тепла. Нужно лишь научиться этой сокровенной магии, этому волшебству, которое даст нам ключ от понимания красоты всех вещей — маленьких, неказистых, невзрачных, великих, потрясающих, сорвавшихся — и которое поможет нам забыть все наши подлости.

Это именно то, в чём мы нуждаемся не меньше, чем в хлебе, сливочном масле или пневматических механизмах. Разорвите меня на части, если я несу чепуху! И как же мы научимся всему этому? Только ходя в школу лет до 15-16… чтобы мы выходили из неё проникнутые музыкой и радостными ритмами, захватывающими примерами, околдованные величием и воодушевлённые безвозмездностью.

Именно безвозмездности и не хватает нам сейчас больше всего, чудовищно не хватает. Безвозмездность — это настоящее чудо.

И больше никаких полудохлых обглодышей,

способных влюбиться разве что в дробилку, лесопилку или измельчитель, работающий со скоростью 80 000 оборотов в минуту.

*

Я проклинаю Францию!

Ламартин

(Последние слова)

Как только сердце откроет в себе свой собственный дар и посвятит себя ему, жизнь будет уже не в силах повлиять на ваше прекрасное настроение. Это своего рода лампа Алладина, которая постоянно находит новую радость даже в самых мрачных местах.

Всё всегда устраивается само собой, более или менее. Уничтожить художника невозможно.

Он выносит вердикты всему на свете, он смеётся, когда пожелает, то по-доброму, то по-злому, то так, то эдак, как угодно, как ему взбредёт в голову.

Людское море ему по колено, он стал всеобщим талисманом, маленьким семейным амулетом. Размышлять — это неплохо, но только с вдохно-

вением…Как знать, возможно, это положило бы конец всем раздорам, грязной, нелепой, ядовитой, озверелой болтовне и желчным пересудам, разрушающим всё подряд, и люди бы заново научились петь, все вместе, хором, и даже идти вместе, рука об руку…

И какой размах вы хотите придать вашему обновлению в обучении? Максимальный! Через танец, игры, изящные искусства, полезные предметы — на втором месте, уделим им, скажем, только половину времени, этого достаточно! 10 лет! самые лучшие часы, самые яркие, посвящённые восхищению, восторгу, культу важнейших свойств, культу совершенства, который воспламенит человеческую душу.

Нужно заново научиться творить, осторожно, со страстью угадывать в тайниках тела, в гармоничных аккордах, в стихии искусства секреты танца и музыки, движущую силу грации, радости, симпатии в животных, в каждой козявке, в насекомых, во всём, что спотыкается, колеблется, суетится, терпит неудачу, летит кубарем, вспыхивает с новой силой, пускает новые побеги, разрастается пышным цветом повсюду на нашем пути, такое ненадёжное, такое неуместное…

Что думает о нас божья коровка?...Вот что должно нас интересовать! А вовсе не то, что думает Рузвельт или архиепископ Дарема…

Пускай же тело вновь обретёт вкус к жизни, заново откроет для себя наслаждение, ритм, утраченный пыл, упоение полётом… Дух тут же воспоследует за ним!... Дух — это идеальный образ тела, мистическая линия, плавный изгиб, мягкий жест, послание души, лучше

удивиться, подскочить, взмыть в танце, чем под изнурительным бременем унылой тарабарщины, невнятного бормотания текстов, контекстов, ненасытного анализа вшей, мудаческих мудрствований, сидячих занятий, мигрени, хремегрени и всей её свиты, выблевать всю эту чёрноту, чёрным по белому, вывернуться наизнанку, всеми внутренностями, одубевшими от тяжести, от тошнотворности зазубренных мерзостей, от полуобморочных, горемычных, жалких книжных червей, увязших, задыхающихся, гнусных, под клеем знания, под стряпнёй обызвествляющей культуры.

Ах! Хуже хряков в свинарнике! Ах! на этих злосчастных невозможно смотреть! их невозможно растормошить! невозможно понять!...

Неряшливые, липкие, бескрылые, бездушные, остывшие, чего от них можно ждать? От всех этих скотов, чурбанов, невеж кругом, криводушного заводского жлобья, от недоумков в лавке, пьянчуг на пашне, свиней в кино, от всех этих вялых душонок кругом, всё более и более скучающих, нагоняющих скуку, дряблых, угнетённых?

В каждом нужно пробудить художника! вернуть ему ключ от небес!

Подумаем о французской школе.

Что здесь, у нас, можно оживить легче всего? из самого близкого… находящегося прямо на земле… из числа даров… ритмы… немного улыбки… того, что мы ещё не совсем забыли… чуть-чуть надежды… маленький огонёк… дрожащий, разумеется… но ещё теплящийся… в конце концов…

Искусству нет дела до Родины! Какая чушь! Какая ложь! Какая ересь! Так говорит только еврей!

Искусство — это как раз Раса и Родина! Вот камень, который станет основанием! Камень и облака, пейзаж души.

Что мы находим в этой стране, от Фландрии

до Беарна? Шансонье и живописцы, край непринуждённой песни… быть может, освежающего танца, весёлой игры цветов на палитре, и во всём этом живёт дух, то проворный, пылкий и шутливый… то кроткий и меланхоличный… Вот чего я хочу!... Всё это изумляет и очаровывает меня, и поёт, и эта песня поднимает меня с земли!... о подлинном характере людей, которые родились здесь…Это выбор цветка, растущего в саду… нет ничего презренного… среди всего этого нет ни капли мерзости, всё благоухает… ни одной кривой физиономии!

Все эти чудеса священны… едва слышимые звуки… три стиха, две ноты, один вздох…

И так мы сможем всё восстановить! людей, их расы, их рвение…Перевязать им раны и отправиться в путь по направлению к новым временам. Нужно вернуться в школу и не выходить из неё двадцать лет. Я хочу, чтобы учителя воспитывали художников, не педантов с заученными формулами, развратителей нового образца, но людей, способных удивить, согреть жизнь, а не остудить её, поддержать энтузиазм, а не раздавить его, энтузиазм — это “Бог внутри нас”, из стремления к красоте появятся краски и арфы, человек откроет

для себя мир чудес, который берёт своё начало в детстве.

Если Франции суждено вернуть себе душу, то эта душа вспыхнет в школе. Ожившая душа. Родится легенда, легко и непринуждённо.

Разумеется, нужно приложить все усилия! Это вам не полы подмести!

Какая скрупулёзность! сколько хлопот! невообразимого старания, волнения, усердия, всего, что так редко встретишь в наше время. Но на самом пороге чудес от детского задора не остаётся ни шиша.

Школа должна стать магией или исчезнуть… эта ледяная каторга… Детство — это магия.

Детство становится горьким и озлобленным. Это обрекает нас на смерть. Мы справимся с этим.

Час пробил! Зададим ему трёпку! Схлестнёмся с людоедом! Прикончим людоеда! Со всей его свитой! “Horribilus Academus”! Академическое чудовище! Людоед, размахивающий своими программами! Душегуб! Живодёр! Пожиратель младенцев!

*

— Вы только поглядите на неё, на эту элиту, она хрипит от злости…

— Что ей не нравится?

— Она говорит, что её это не устраивает!

— Что именно?

— Сто франков…

— Бляха-муха, вот те раз!... Сотня франков — приличные деньги! Вы же это понимаете! Надеюсь, что ничего не изменится!... По-моему, это даже щедро!...

— Она говорит, что не справится… что сотня франков — это курам на смех, что это зарплата рабочего, канцелярского полуслепка, совершенно никчёмного человека, а не доход элиты! Она вас спрашивает, за кого вы её принимаете!

— Да что вы говорите, подумать только!... Элита восстаёт!...

собственной персоной!... Стало быть, на кону её честь!...

— Смейтесь, смейтесь! А что вы прикажете делать с амбициями? прихотливостью элиты? с

тем, как она привыкла одеваться, с тем, как она привыкла себя преподносить, у себя дома и в салонах, как она привыкла питаться, обуваться?... Откуда вы свалились? Вы ни разу не видели её пальто? три на лето и семь на зиму?...Её двадцать восемь пар ботинок? и лакированные туфли на вечер? Четырнадцать антикризисных костюма? Вы представляете себе, сколько это стоит?... и небольшой ужин в городе? с такой же элитой, как она сама!... с солидными людьми! знатного происхождения! Вашей сотни франков едва хватит только на гардероб и сигареты!... Вы совершенно ничего не понимаете!... Вы хотите, чтобы наша элита, как попало одетая, простудилась? получила насморк, чтобы она больше не могла выйти из дому?... чтобы она была вынуждена соблюдать постельный режим? у себя дома? на диете? ей уже делается дурно от одной вашей доморощенной сатиры…У вас нет никакой цели в жизни! у вас!...у вас нет амбиций! Вы ни черта ни в чём не смыслите! Вы предаётесь пустым мечтам, вот и всё! как все неудачники! Вы убиваете всю страсть! все начинания! Вы подрываете дух элиты! Вот что вы делаете! И продолжаете строить свои анархические проекты! Вы подрываете дух сильных!... А это серьёзно, мсье, очень серьёзно!...

Элита — это утончённость... Это вкус... это атмосфера... это неоспоримая изысканность!... Кем вы себя возомнили со своими ста франками? Где вы найдёте такого дурака !... Вы можете себе представить управляющего Банком Франции с сотней франков в день? Вряд ли! А начальника железной дороги с той же сотней франков? обходящегося дешевле, чем его мелкий служащий, если последний является многодетным отцом!... А губернатора французской провинции с сотней франков в день? А председателя трестов? А прокурора трибунала с такой ничтожной зарплатой? Вы не найдёте такого дурака, я вас уверяю! за 100 франков в день!... какой же вы подонок! какая сволочь!

— Да здравствует подонок! ура! и сволочь тоже!

— Мы по уши в утопии! В четвёртом измерении!...

— Ну и славно, вот что я думаю! Превосходно! Даже очаровательно! Добравшись до последних глубин их свиных кишок, мы видим людей такими, какие они есть! очищенными от болтовни! заглянув им в самое брюхо, мы узнаем, что они такое на самом деле! свиное сало? но-

вые идеи? гниль? Вот что нужно принимать во внимание! не слова, но любовь к Франции… жгучую страсть… патриотический культ… абсолютное бескорыстие… головокружительные вершины самоотречения… веру в вечную Францию… неистовое желание служить… Ах! это будет счастливое время! Никто не заскучает ни на мгновение!...

— Но они все подадут в отставку! Они ни за что не согласятся! Элита чертовски горда!...

— Подадут в отставку ?... Сомневаюсь…Такие не подают в отставку… Они не слышат голос своего разума. Они слышат только своей пуп. Они находят его замечательным, исключительным… Он делает их счастливыми…Всё остальное — сплошная несправедливость.

*

Разве я не прав насчёт элиты? Это пример или же вообще ничто. Пример — это когда все едят одинаково, не меньше других, но и не больше. Пир горой или офицерские обеды это не идеал для подражания, он не спасёт Францию. А других идеалов у современной элиты я особо не наблюдаю. Поесть со вкусом, вволю, сопроводить всё

это дело вином, “божественной” бутылочкой, при нужной температуре, с нектаром и одобрительной отрыжкой.

Утробная богиня буржуазии.

Поймите, что народ, у которого уже завелись некоторые серьёзные наклонности, не нужно будет обучать вашим элитным манерам дважды… Вы, голубчики, можете сколько угодно рекомендовать ему высокую литературу, душеспасительные сочинения, утончение забот, ознакомление с классикой, он вас просто вышвырнет за дверь, он больше не видит в вас ничего, кроме брюха, ожиревшей печени, для него вы одна большая ожиревшая печень, которая встаёт из-за стола только за тем, чтобы семь дней в неделю выслеживать изысканных поваров, умасливать владельцев ресторанов, в погоне за непомерными корытами, в своих комфортных автомобильчиках, за очередным куском мяса, за всё более и более вкусной стряпнёй. 115… 330… километров…обжорства, месива, ожиревших печеней и рафинированных свиней с моторами, поющих в упоении, экстазе.

Главное меню. Библия Франции…Вот вам пример для народа, живая реклама ожиревшей

печени, волнующая, превосходная, необыкновенная, Мосье и Мадам Свинорыловы.

Что может быть лучше!

Ах! постойте, это ещё не всё! Я вас умоляю! Вы забыли про Пир Духа! Хороший стол! весёлое застолье! Дух веселится на полную катушку! Элита сверкает! Потрескивает от воодушевления! Что вы такую мину скорчили! Шампанское пенится! все шутят!

О! свистун! слащавая поросячья рожа! Нет ничего пошлее брюха! жвачного животного внутри нас! липких кишечных лабиринтов! жалко смотреть! гадко слышать!...Духом здесь и не пахнет!

С любителями обильно пообедать и поужинать, дважды в день, случаются такие недомогания, такие неприятности с желудком, что весь их дух вылетает в трубу — санкции поджелудочный железы, воспаление желчи, растянутое брюхо, слизистые, сожранные хлоридом! Несчастного рвёт на части от прущих наружу газов так, что его охватывает настоящая барабанная дробь, он превращается в бубен насмешки над всеми правилами приличия, его пердёж заглушает мотор, воскресная прогулка по рощам переходит в без-

образие, в обезумевший транзит, в испускания ветров на любой манер везде, где только можно представить. Караул!

С этим нужно что-то делать.

У меня есть небольшой рецепт, подходящий для таких неприятных случаев, которым я пользуюсь в своей практике и который я рекомендую всем, кто понимает, о чём я говорю, что пищеварение перестаёт быть пустяком, когда газы начинают скапливаться, что это не вопрос духа, элиты или других занятных вещиц, что это вопрос, который требует решения.

Вот что я советую!

Жжёная магнезия — 0.20 гр.

Активированный уголь — 0.50 гр.

В виде таблеток — по две обоих видов после каждого приёма пищи.

Чтобы ещё лучше воздействовать на желудочно-кишечный тракт, пациент может дважды в неделю сразу после сна очищать желудок, добавив, скажем, ложку сульфата натрия в полстакана воды, десертную ложку, разумеется.

И дух здесь ни при чём.

Он не имеет никакого отношения к этим бедам.

От него нет никакого толка в этих вопросах.

Оставим его в стороне от этих разговоров.

Вернее, то, что от него осталось.

*

Мы не святые!

Как жаль!

Прожорливая, ненасытная, загребущая, такая элита нам не нужна. Раз вся её сила в духе, то она вполне может немного и попоститься, время от времени, эта элита… Я не говорю, что она должна жить на одной воде и просеянном корне козлобородника, но я бы на её месте всё же задумался о том, что она здесь не только ради свиного сала и массажей в тёплых банях. Кем или чем она сама себя видит? Можно поинтересоваться? Ариэлем? или Калибаном? Морскими волнами или музыкальными фруктами? Аквилоном или газом? Нужно определиться, и немедленно…Давайте начистоту, равенство — всем. Они сделали на него ставку… наши масоны! подняли его на щит, окружили им наши здания, околдовали наши

памятники! и нет ничего удивительного в том, что рано или поздно оно должно было настать, воплотиться в реальность, это равенство…

Равенство перед голодом, одна мера для всех живущих, 3 000 калорий — стандарт, для гения, для Бетховена, для землекопа.

Физиологическое равенство, равенство перед нуждой, перед треклятой необходимой материей, раз и навсегда, кров, хлеборезка, башмаки, детское молоко, единое питание, раз уж на то пошло, одна стряпня, одно тепло для всех, больше никаких нищих, больше никаких жирдяев, когда они дохнут с голоду, а другие давятся, и точка, разговор окончен, проблема будет решена раз и навсегда. Больше никаких увёрток, больше никакой болтовни. Это билет человека в жизнь.

Разнообразие, маленькие личные фантазии каждого — пожалуйста, но в пределах 50-100 франков “суточных”, больше никакого загребательства, никакой организации дефицита. Конец дожам чёрного рынка!…шерстяным и кисломолочным дюкам! Дух расправит свои крылья только тогда, когда мы перестанем говорить о жратве и тончайших свитерах, когда всё это перестанет быть для нас проблемой и, прежде всего,

причиной зависти, ненависти и озлобленности.

Вы чураетесь народа, бездонные бочки? значит, не ведите себя, как он, не набрасывайтесь на жратву! Как он должен поверить вам с вашими претензиями на духовное превосходство, когда он видит в вас обыкновенную свинью? дрожащее поросячье рыло? не выйдет!...Кранты! Он хочет крови! Он спит и видит, как бы вас прикончить, вышибить из вас весь дух, он жаждет того же самого — отменных блюд, бешамели и бокальчик красного вина. Вот и вся его программа.

У него у самого есть брюхо! Вы ведётся себя как последняя сволочь и он берёт с вас пример! Вы — элита, вы — образец. Тем хуже для вас!

Для еврея — это раз плюнуть, не так ли? Пропаганда сделала своё дело. Двери распахнуты настежь.

И теперь, когда всё готово, ждём продолжения.

*

Плач по парламенту.

Он жив? он мёртв? Толком не поймёшь. Be or not… Все его члены носятся кто в лес, кто по дрова… Чего они, в сущности, хотят? Как это

чего, сохранить своё место, чтоб им всем пусто было!...Прислушайтесь, какие высокие словеса… Какая страстная озабоченность общественным благом!... Священным долгом ответственности!... Стремлением к самопожертвованию!... Одно слово или десять тысяч, суть от этого не меняется: Бабки превыше всего! Посмотрите на мадам… Мадам супруга депутата…возвращается в своё родное захолустье… расстроена тем, что её выставили вон...Представляете себе, у матушки, за семейным ужином?... дяди… кузены… их физиономии…Представьте их усмешки… обмен маленькими намёками…

По счетам платят все.

Ах! Людей убивают и за гораздо меньшее!... За одно такое словечко уничтожили бы целый городок, избирательный округ, оппонента, сторонников, председателя на деревянных протезах, городского барабанщика, три сотни рыбаков, весь генеральный совет, звонарей Сен-Маклу и всех рогоносцев кантона!

Банда озлобленных оборванцев! ссыкливые проходимцы! разбойники! висельники! недоноски! забулдыги! рвотина! рвань! дерьмо! кабацкие личинки! ничтожества! мразь! пузырчатые!

облезшие! никуда! ни на что не годные! которые больше ни за что не голосуют! Ох! подонки! Зловонные! Вот кто просрал Францию! Во всём виновная падаль! Граждане без избирательных урн! Скопческий помёт! Ах! Звериная клетка! Беда! И всё это обрушивается на Республику!

Допустим, что ещё есть два-три года в запасе… что 180 000 франков

наличными, как ни крути, кругленькая сумма… на жизнь хватит… Тем

не менее… тем не менее… Вы же понимаете… три года пролетают

махом! Тем более три года волнений!… когда у Родины столько бед!…

там, откуда всё это поднимается… восстаёт… всё это невообразимое

кишение… в переулках по всему городу… там у вас уйма связей… 2 200

парламентариев… и все, как на подбор, чемпионы житейской

смекалки… сверхушлой хитрожопости… головокружительные

интриганы… фульминат наглости… плуты до мозга костей…

Представить страшно, как всё это крутится, вертится во все стороны,

обвивается, змеится, возится, бормочет, замышляет, гадит, изрыгает,

до полного изнурения, отрыгивает снова, какой-нибудь депутатишко в

запасе, не желающий остаться в дураках после двух лет недоверия и подозрений.

Достоинством здесь и не пахнет, зато это вполне в духе добрых французских нравов, когда одного пинка под зад недостаточно, чтобы мозги встали на место, когда нужно ещё что-то другое, ещё триста или четыреста тысяч жертв, чтобы наконец дошло, что всё накрылось, и ещё два, три или четыре пинка под зад вдогонку! когда нужно что-то посерьёзней, ведь это ещё ничего не доказывает, ведь самый сильный удар по самолюбию — это узнать, что ваш барабанщик вас надул, прибрав к рукам тёплую постель с вдовой и всем причитающимся…Ах!

Вот это другое дело! ради такого можно и ожить! просто чтобы прикончить этого стервятника! этого подонка из подонков! Ради такого можно и из могилы подняться!

Вот и всё, на что они способны, сведение счётов post mortem, война трупов.

*

Суд над Тамплиерами нужно повторить. Для евреев и франкмасонов.

Ключевая фраза из недавнишней газеты.

“Граждане этой страны (французы) ни за что не выпустят бюллетень из своих рук”

Ох! Хитрюги! Бестии! Вот что я думаю! Отказаться от своего голоса? Всему конец! Кранты! Как вам такое? Политик равно масон, масон равно собака еврея…Надо так надо… Республика или больше никакой республики! Должна быть последовательность! “Я буду поддерживать”. Девиз Нидерландов. Возрождение парламента? Как вам угодно! Всё что пожелаете! Но сначала давайте проголосуем! Давайте, чёрт возьми, проголосуем!

Выборы равно свистеть, равно покупать ослов, равно целовать в жопу толпу, равно отрыжки на весь трактир, равно “Франция — первая во всём мире”, равно утопиться в вине, равно большая пресса и ра-та-та, большое радио, равно великая попойка голосующих, равно базар, равно пьяная скотина, куда ни плюнь, равно парламент лакеев, провинциальных посыльных, лакеев

публичных торгов, лакеев лож, лакеев евреев, лакеев чего угодно, напыщенных, с деликатными поручениями, лакеев под любым соусом, лакеев, которые острят, пресмыкаются, голосят, шуршат, подонков всех мастей, лакеев на побегушках, лакеев того, лакеев этого и, если понадобится, для убийств, каких хотите, индивидуальных, коллективных, под землёй, в воздухе, на воде... мастера тёмных делишек в любом количестве, доставка вовремя, по свистку, сообразно климату, сообразно сезону — французское удобрение для всех возможных гекатомб, согласно пунктам настоящего договора, но самое главное, самое основное: бюллетени — арийцам, урны — евреям.

*

Всеобщее избирательное право? Разумеется! именно так! Но, с вашего позволениия, — не шиворот-навыворот! Сначала прогоните еврея! У него в руках все козыри, и мошна, и револьвер.

Если мы ему подыграем, то пиши пропало! Это смертный приговор. Вспомните чашу 36-го! Народный Фронт до сих пор из неё пьёт! жидовское приворотное зелье! И оно не кончается! Оно горчит? Ещё бы!

Коммунизм? По-моему? Однозначно! Конечно!

Но, с вашего позволения, — не шиворот-навыворот! Сначала выдворите еврея! У него в руках все рычаги, всё золото и вся элита! Если вы подпустите его к себе, он вас обует на обе ноги! глазом моргнуть не успеете! Кадры, афиши, всё готово, он душит, он присваивает себе всё. Вам больше нечем дышать. Притворщик, бездельник, садист, халтурщик, волокита, негроид, он никогда не научится создавать, он умеет только пытать, переворачивать всё вверх дном, приставать к смазливым девицам, и это всё, и больше ничего. Зарвавшийся паразит. Всё остальное ложь, пиздёж, провокация.

Это будет вторая Испания, в тысячу раз хуже, чем анархия, и тогда — привет.

Когда останутся одни руины, появится негр, настанет его час, настанет его очередь, быть может, на пару с татарином. Негр — это папаша еврея, у которого член ещё толще и который в конечном итоге, на самом краю полнейшей деградации, сумеет себя навязать. Достаточно всего лишь немного приглядеться к нашим смазливым девицам, как они себя ведут, как они уже переходят с жидов на нигеров. Строптивые, своевольные, себе на уме…

Останется один лес, гигантский, тропический, Булонский лес и ваши маленькие обугленные кости, это будет единственная вещь, которую вы получите бесплатно, просто так, дармовая катастрофа.

*

SOS

Больше никаких уловок! Больше никаких экивоков!

Коммунизм Лабиша или смерть! Вот что я думаю! И не через двадцать лет, а прямо сейчас! если мы не устроим всё сами, наш собственный коммунизм, который будет соответствовать нашему духу, евреи навяжут нам свой, они только этого и ждут, мы попадём в их ловушку, тогда — каюк, мой милый друг! и привет казуистика, кручение-верчение задом, оголтелый онанизм!

Это будет уже совсем другая музыка! в самой гуще Сионских Мудрецов! В Долине Пыток! вот тогда вы по-другому запоёте!...В ненасытном виварии, среди сколопендр, гремучих змей и жирных стервятников, где на наших костях не останется ни лоскута, когда мы накормим весь этот бестиарий и отправимся на тот свет смот-

реть, чем закончится это веселье.

Вздёрнуть еврея на столбе! нельзя терять ни секунды! это ясно как божий день! это было бы чудом, если бы мы опередили его на голову! на полголовы!... на пипку!... на волосок!... на вздох!...

*

Национальный совет — 8883 франка в месяц.

Национальный безработный — 420 франков в месяц.

Жена заключённого (национальный солдат) — 360 франков в месяц.

Бедный старик (получающий социальную помощь) — 120 франков в месяц.

Поторопимся, но будем осторожны! никаких оплошностей, никаких увёрток! Справедливость! и абсолютная! Без справедливости о стране не может идти и речи! Отмена привилегий! 89-ый до конца! До полной победы, а не через пень колоду!

Без абсолютной справедливости не будет ни страны, ни родины, ни французской армии, не будет ничего, кроме очумелой орды по уши в

говне, полнейшего разброда, подлых, грязных пересудов, непрерывной, туманной, шутовской гражданской войны спивающегося электората, отвратительного племени мародёров, анархистов, оппортунистов, крестьян, отрёкшихся от своих коров, свихнувшихся, развращённых подонков, которые только берут и ничего не дают, всё присваивают себе и ничем не жертвуют ради общей цели, упрямые, хищные, болтливые, циничные, на кривой их не объедешь, гнусное сборище ублюдков, без веры, без стыда, без музыки, не испытывающих ничего, кроме настойчивой как понос тяги ко всё более и более грязным штучкам, которых как собак влечёт только к помоям.

Вот где устроился современный человек, вы понимаете, сколько предстоит работы?

Прежде чем говорить с ним о расизме, о вещах, которые бередят душу, нужно сперва прооперировать его ненависть, очистить его от зависти. Это нелёгкий труд. Само собой ничего не образуется. Он и буржуа — сиамские близнецы. Это торжественный момент, сам Господь Бог должен спуститься на землю. Высунуть свой нос.

Долой пустые фразы! Вы согласны со мной?

да, мать вашу, или нет? Хватит мямлить! Пора действовать! Если вы не согласны, тем хуже для вас!… Вы хотите свои “сто франков” или не хотите? Это тяжёлый, мучительный выбор…Нельзя приготовить омлет, не разбив яйца. Это цена за равновесие, о которой всегда говорят в такие волнующие моменты, это справедливость в денежном вопросе, а не лапша на уши и прошлогодний снег!

*

Вы можете сколько угодно распинаться перед современным человеком, но если вы с самого начала, в первую очередь, не поговорите с ним о деньгах, всё будет без толку, бздёж, вы не добьётесь ни единого отзвука, не сдвинетесь ни на шаг, не услышите счастливого мурлыканья после починки, не увидите улыбку идущего на поправку, ваша игра на флейте останется втуне. Речь не о простом лекарстве, не о каком-нибудь сомнительном средстве, а о сложной операции.

Ваш пациент напряжён, он упрямится, он вот-вот наделает в штаны, он не хочет ничего слышать, еврей околдовал его, он мнит себя гласом народа, он извергает желчь сутки напролёт.

Словом, хорош гусь.

Без равенства в деньгах не может быть никакой солидарности. Духом, семьёй, родиной, расизмом, с вашего позволения, и всем прочим мы займёмся после… Всё это бутафория, фигня, втирание очков… Вот что он об этом думает, и вы его не переубедите… Народ уподобился вам, он стучит, он скрытен, недоверчив, труслив, он заглянул за кулисы, еврей показал ему все трюки. Прежде это был человек верующий, сильный, надёжный, сейчас он плетётся в хвосте, всё критикует и сплетничает.

Поздно усираться, этим вы не вернёте ему энтузиазм, нужна новая программа… дифирамбы возвышенным чувствам… пропаганда надежды — мертвы… Он хочет, чтобы вы раскошелились, и немедленно… ему нужно всё, до последней монеты, а не жалкие гроши…. не ваши байки, не поддельные векселя, а самые настоящие треклятые звонкие монеты, которые примут за прилавком!

В ваши посулы он верит не больше, чем в Национальную Помощь, законы и тому подобное…

Дохлый номер. На это он больше не купится.

Его недоверие абсолютно… Пролетарий тре-

бует, ему чхать на ваши басни, он верит только своему животу, он верит в то, что вы защищаете свой собственный, в то, что все ваши призывы к скромности, к духу морали, к благородству принципов, к объединению Франции — лишь грязные приёмчики , выдуманные затем, чтобы злоупотреблять его невежеством, что за всем этим скрывается только бесконечная куча дерьма и новые сговоры с полицией, чтобы заговорить ему зубы, чтобы заставить его батрачить задарма, чтобы вы наживались на его беспомощности, чтобы нахапать себе ещё несколько миллиардов во имя высших сущностей, во имя всех паразитов дражайшей Франции, чтобы вы и дальше продолжали насмехаться над ним, и что вы так легко его не проведёте и что настал ваш черёд снимать штаны и раздвигать булки!

Расизм, родина, красота, достоинство, самоотверженность, жопоприношение и бла-бла-бла и бла-бла- бла!... В гробу он видал всю эту ахинею! К вашему сведению! Засуньте их себе куда подальше! вот что он думает, вот что у него на уме.

Впрочем, Доктор Мардоше контролирует вас, можете быть спокойны, он денно и нощно вкалывает всё новые и новые дозы, он поддерживает яд,

он не считается с расходами, в такие тяжёлые для Франции времена, должно быть, это обходится в миллиард ежедневно.

Потом уже заводите свою шарманку! чтобы опровергнуть мнения! подсластить горечь! любой другой, кто предлагает что-то существенное, ничего другого, кроме самого существенного! ну и ну! он сразу же превращается в Святого Фому… Пролетарий хочет потрогать! Он одержим ощутимым…

“Vide Thomas… Vide latus… Vide pedes…”[2]

Он хочет потрогать ваши деньжата, он хочет считать их вместе с вами…

Нелегко одновременно возродить нацию и сэкономить деньги.

*

Да уж! Зима выдалась суровой… что правда, то правда… По Сене скоро поплывут льдины… Все ждут… Я видел это с Пон де Брюйер… когда он засвистит!... Морозный!... Северный ветер!... природа безжалостна к тем, кто испытывает нужду…

---

[2] Примечания: 2
Посмотри, Фома... Посмотри на рёбра... Посмотри на ноги... (лат.)

небольшая гора д'Аржантёй вся покрылась ледяной коркой… вместе со своей мельницей…Укуталась в громадное снежное покрывало… шлейф которого рассеивается… окутывает дома, запорашивает крыши… орошает берег, крошится над водой… большими вихрями кружит вокруг арок моста… Да уж! Зима выдалась суровой! по всей равнине, далеко вдаль, расстелилась белая скатерть… ветер играет как в русской степи… вздымает свистящие, танцующие воронки из снежных хлопьев и пыли…

Четыре длиннющие заводские башни на морозе вытянулись выше облаков и, кочегаря на всю катушку, грозят небу… завтра будет ещё холоднее… Воздушные замки дали огромную трещину… это чувство витает в воздухе, доносится снизу… и с вершины Мон Валерьен…

Ох! я не могу смотреть на это без боли, на этого ненормального на велике, он педалит против ветра, во всю глотку хайлает на свою железку, сам весь в соплях, как ещё колёса у него держатся, в корзине четыре стручка лука-порея…его мотыляет из стороны в сторону на каждой кочке, рытвине, колдобине…

Он выбился из сил, он останавливается, шмы-

гает носом, сморкается. Он прикидывает, что ему делать дальше. Ветер просто с ума его сводит, он так замёрз, что едва шевелится. Ах! ехать всё равно надо! Ну, а я, у меня свои дела, свои заботы, от которых я не могу просто взять и отмахнуться… Меня ждут, и не один, не двое, а человек двадцать!... может, тридцать… Ах! У меня самого вся физиономия исполосована острющими атмосферными резаками, которые несутся отовсюду с невообразимой скоростью… Я прохожу мимо велосипедиста…

А вот и Дивето, мой коллега, идёт как раз мне навстречу… Он закончил работать… Я всегда рад с ним пересечься… прежде всего это великолепный, хорошо воспитанный человек, в этом не может быть никаких сомнений… кроме того, в некоторым смысле даже учёный… Он закончил приём… он раздал все свои талоны… настал мой черёд… взять на себя медсестру, ватный тампон… никого не огорчать… выручать всех в беде… Ах! Это нелегко, непросто… ввиду проблем с транспортировкой… перебоев с поставками, нехваткой медикаментов… про молоко можно вообще забыть… железнодорожники сходят с ума, им нечем отапливаться… сахар идёт с севера, где больше никому нет до нас никакого дела…

пахта — с запада, который больше не желает ничего слышать… всего этого мы не видим целыми неделями…медицинская практика становится

затруднительной, когда пациенты практически ничего не едят… Ах! Дивето согласен со мной, что всё это действительно изнуряет… а он человек здравомыслящий !... что родители не отдают себе отчёта в том, как всё обстоит на самом деле, что молока в коробках больше нет… тем более сахара, который шёл из Швейцарии… а им класть на Швейцарию, родителям… Швейцария им по барабану, их интересует только их спиногрыз, они ни за что не оставят вас в покое, пока до вас, наконец, не дойдёт, что он замёрз, что он побледнел, что у него кашель… и что теплу неоткуда взяться… потому что вот уже шесть недель как во всей их халупе нет ни кусочка угля… и что всё это не может продолжаться вечно… Что сироп не уладит всех проблем, даже Дезессар, а он лучший, он помогает! это удобное, успокаивающее, незаменимое лекарство… Но не на Северном же Полюсе!...

А старики, которые неизбежно замерзают быстрее остальных… ввиду того, что они и так уже почти остыли… которые были так довольны своим отваром… чем их согреть? румой?...

крушиной?... Всё это выше человеческих сил!... Дивето в этом уверен... на одном усердии далеко не уедешь!... наука и познания бессильны перед роком... суровым и ужасным...

Я всегда рад видеть Дивето... Но пересекаемся мы нечасто... он действительно очень великодушный человек, кроме того, отменный специалист, чуткий, восприимчивый к художественной литературе, кроме того, многоопытный. Он всегда возил меня на своём автомобиле, пока он у него ещё ездил... но, увы, ему пришёл конец...Теперь мы передвигаемся только на своих двоих и гордиться больше нечем... это уж точно... Ничего не поделаешь... мы стоим, болтаем о том о сём на мосту, на северном ветре... Мы, врачи, такие... Мы чем-то напоминаем консьержек... едва ли не всюду суём свой нос... мне нравится обсуждать с ним политику... да и сам он не прочь об этом потолковать... Холод опьяняет, особенно резкий, пронизывающий ветер... Ледяной аквилон! Дивето мне симпатичен... и я надеюсь, что это взаимно... Я обращаю его внимание... мне втемяшилась в голову одна мысль...Ну, я и давай ему: “Вы слышите?... Таа!!!... тоо!... тоо!... тоо!... тоо!... тоо!... Таа!... Таа... на что похож зимний ветер?” Я напеваю ему, чтобы он лучше расслышал... ля!

фа! соль! ля си до! ля! До! чтобы он хорошенько расслышал этот призыв! до-диез! ля-диез!... как следует расслышал!... фа-диез минор! Это мелодия! Лебединые Чары... это призыв, мой друг! призыв!...

— Это изумительно, Фердинанд! изумительно! великолепная музыка!... Он бы никогда не стал со мной спорить... Но трагичная! я нахожу её трагичной! разве я не прав... Ах! разве я не прав?...

Чуткий, ох, чуткий Дивето!... и доброжелательный!... воистину превосходный человек!

— Что тут ещё можно прибавить... всё это витает в воздухе!...

— Ох, Фердинанд, вы в этом уверены?...

Он немного сомневался...

— Это судьба, месье! Судьба!...

Его сомнение задело меня. Я окончательно завёлся...

— Видите, вон там, вдали... равнина... за Фоли... Шарльбур?... метель поглотила всё!... а ещё дальше?... на склоне?... крутится... прямо наискось... вертится... Кто там прыгает?... с покрова

на покров?... аа?... и собирается?... ля! фа! соль!... ля... си... до!... тоо!... тоо!... я больше не мог!... Тоо!... Тоо!... тем хуже! мой друг!... Тем хуже! поддадимся этим чарам!... тоо! тоо!... Химеры! вот они! Химеры!...

Мы оба рассмеялись, такой вот дул ветер, снег кружился вихрями... неистовыми спиралями... ослеплял нас... мы удалялись друг от друга... не без труда... Я шёл своей дорогой, борясь со шквалами... Он всё ещё кричал мне вдогонку сквозь сыпавший снег... “Талоны под тонометром!”...У нас там заначка...“В левом ящике!”

Народу собралось полно... целая толпа ко мне на консультацию... самые преданные пациенты... раз, два, три, четыре предписания... и один талон... это ритм... раз... два... три талона... одно предписание!...зимний каданс... всё меньше и меньше предписаний... всё больше и больше талонов... и каждый раз четверть... пол-литра... Меня буквально сводят с ума мольбами... Я до паники боюсь телефона... что он зазвенит, что не осталось больше ничего... что я раздал всё молоко в городе... по мере того, как нужда растёт, предписаний всё меньше и меньше... талонов всё больше и больше... 25 кусков сахара... небольшое

ведёрко угля… что невзгоды не заканчиваются… что они растут… что они охватят всё… и, в конце концов, доберутся и до медицины… что они сведут нас всех в могилу…

Раз, два, три малыша подряд, все сотрясаются от кашля, это коклюш… все завёрнуты в шерстяную одежду как в коконы… за ними — восьмидесятилетняя старуха со своей безработной племянницей …они обе живут в павильоне… старуху трясёт без остановки… у неё это с прошлого воскресенья… когда она попыталась выйти на улицу… чтобы дойти до колонки… есть нечто противоестественное в том, как её трясёт, для такого хрупкого тельца это настоящее землетрясение… она заставляет ходить ходуном всё, к чему ни прикоснётся — свой стул… мой стол, стоящий рядом… стены… дверь… Я понемногу начинаю понимать, откуда это у неё… она говорит нараспев, она почти взвывает, до такой степени её сотрясают катар и жестокая эмфизема… Её так трясёт уже три дня и три ночи… а вместе с ней содрогается и вся

их конура… она больше не может спать… её племянница тоже не смыкает глаз… Они живут в деревянном павильоне… “Яа пвосвыла на увисе!” Само собой, зубов у неё уже нет… “Но вома воже

холовно”… Дрожь не прекращается…Когда тебе восемьдесят лет, всё именно так

и происходит… Один раз подхватишь… И всё, выздоровления не жди… “У нас все стены покрылись льдом… лучше бы она умерла, чем так мучилась” — вот что втолковывает мне её племянница… она упряма, рассудительна… Она просит покоя и угля… и чтобы я оставил свои добрые советы, если я не могу помочь ей согреться… ей не нужны мои таблетки… и мои мази на спирту тоже… которые я так любезно предлагаю… Она сыта по горло ласковыми словами, ей нужны уголь и хлеб… “Тётушка не больна, она голодна, ей холодно, вот и всё… её не перестанет трясти, пока у нас не будет угля…” Чёрный уголь — вот что ей нужно… уголь, который горит в печи… и ещё немного молока и сахара… Я не хочу, чтобы это было на моей совести… я отпускаю ещё двадцать пять кило…Это совсем не по уставу… Я то и дело совершаю нарушения…

Телефон не умолкает…

Снова матери, затем молодые девушки, затем отцы, двоюродные братья… безутешные, самоуверенные… те, которые хромают… которые кашляют… которые помирают с голоду… которые

едва сводят концы с концами…Ах! я принимаю всех, я бодр духом… приветлив… энергичен… кроме того, у меня ещё есть пальтишко… в этом помещении можно задубеть от холода… температура нулевая, и тут и там гуляют сквозняки…

Итак! С грехом пополам день прожит… наступает ночь, люди смешиваются с предметами… они уходят страдать в другое место… к себе домой… Парочку я направил в госпиталь… больше не смог… Звонки сыплются градом… Я вздрагиваю! я подскакиваю! Это катастрофа!... Ничего!... одни имена покойников… тех, что я принимал каждый вечер… словно кто-то дал им право всё взять и бросить… помахать нам рукой… приказать всем долго жить… “мёртв”… легко сказать!... Я займусь этим… словно они умнее всех остальных… намного умнее и безупречнее… Я выдам им билет… на кладбище… это я тоже выдаю… Мимо меня и муха не пролетит.

Я Бог, давший присягу… Он может быть далеко… мой мертвец!… На самой границе коммуны… там, внизу, прямо у равнины… Что толку, что я знаю, где это… туда ещё хрен доберёшься… особенно сейчас, без освещения… Улица Було-Верт… отлично!... небольшой подъем… пешеходный мостик… улица Мишо… поворот налево… там

тропинка… сплошные зигзаги… сбиться как раз плюнуть… Переулок Трёх Сестёр… ещё дальше… тупик… ещё дальше, вниз… на самое дно… Это Вильмомбль… Поднялся сильный ветер… он метёт по равнине, он гудит, он сдувает с ног… я держусь своей тропинки… осторожно!… Это не здесь… ещё ниже… тут скользко… кругом гололёд… затопленные поля… хоть ты хребет себе сломай, они всё равно не станут к тебе прислушиваться… Это действительно у чёрта на куличках… ах! вот теперь я на месте… Переулок Бержер… Ну и дубак! ветер как на трубе играет… словно сам чёрт дует!… Снег забивается в глаза… война воистину омерзительна… наша эпоха проклята… доказательство в том, что природа съехала с катушек и хочет, чтобы человек подох от холода…

Я уверен, что это здесь… я горлопаню в темноте… я даю о себе знать… Наконец-то! кто-то откликнулся!…Это соседка… мне открывают… и тут на тебе!…

— Но её нет, доктор…

— Как это нет?… Я пришёл к покойной…

— Покойной?… Она ещё не вернулась!…

— Не вернулась?…

— Она не умерла… Она ушла…

— Но нам сообщили…

— Ах! Это ошибка… это были не мы… Мы её соседи… Мы её хорошо знаем… Иногда она просто берёт и уходит… она говорит, что ей скучно…

— Но кто тогда сообщил?

— Ох ! я ничего об этом не знаю!...

— Как давно она ушла?

— Дней десять назад… Обычно она уходит всего на вечер… она редко отсутствует так долго… это очень своеобразный человек… Её не останавливают ни мороз… ни ветер, ни туман!... она просто берёт и уходит! Её влечёт музыка… так она рассказывает!... Сами мы ничего не слышим… Она заходит к нам, что-то напевает… и мы сразу же понимаем, что она хочет нам сказать… “Я ухожу, дети мои!” Та!... та!... та!... вот те на, взяла и ушла!...

— В её-то годы?

— У неё удивительное здоровье!... она пошла прогуляться — так она говорит… она всегда нас предупреждает… и идёт себе! в 86 лет!...

одна-одинёшенька… ни собаки, ни кота… только трость, шарф и фонарь!

— По такому морозу?

— Она не боится ни мороза, ни стужи, ни самого дьявола! только заслышит свой мотив — всё! Она очень вежливо прощается… в свои годы она не теряет ни минуты… мы провожаем её взглядом… до самой равнины… затем она исчезает… как будто кто-то задувает её крохотный огонёк!... Судя по её рассказам, она много путешествовала…Кажется, она была… В Китае… В Индокитае… и ещё дальше… так она рассказывала… Она больше не могла оставаться дома… ей, мол, всё настолько опротивело… что хоть в петлю полезай… Особенно во время войны… все эти запертые ставни… Ей всё нужно было повидаться со своими друзьями… которые у неё, мол, где-то там… а где это там?... бог его знает!... ради этого она каждый вечер ближе к полуночи пересекала равнину… она слышала музыку… по её мысли… “у них там очень весело!”… “и они прекрасно проводили время”… Она жила одна… Но она не была несчастлива… её частенько навещала сестра… она ни в чём не нуждалась… Она просто хватает свой фонарь — и хоп! пускай хоть как из ведра льёт! вперёд! в дорогу!...

— В её годы это необычно…

— За ней не нужно было следить… Она ходила в сторону Женвилье… И возвращалась часам к трём, четырём… иногда на рассвете… она всегда была очень любезна… но эта мысль не давала ей покоя… Это был её бзик… “Знаете, у них там так весело… они не скучают ни минуты!”… эти друзья… Это было её навязчивой идеей… Понимаете, причудой… Она постоянно говорила о своих друзьях… Но мы сами их ни разу не видели… разумеется, их никогда не существовало… Однажды она предупредила сестру… “Сестра моя, однажды они приведут меня обратно… и это буду уже не я… это будет другой человек…” Блажь, да и только! То же самое она сказала молочнику… мы, конечно, не обратили на это внимание, люди в её возрасте чем-то напоминают детей… Словом, она ещё не вернулась… но я не думаю, что произошло что-то серьёзное… Она немного странная, вот и всё!... Её все знают! ей бы никто не причинил вреда… она бы вам такого понарассказывала… приболтнуть она мастер!... и потом она внезапно замолкала… в общем, ушла она… нет её!... если бы с ней что-нибудь стряслось, в госпитале бы узнали об этом!... Если бы она повстречалась с немцами… они бы привели её назад домой… Такое уже случалось с

ней однажды… Поверьте же мне, она не совсем от мира сего!... Мы её хорошо знаем !... едва она только заслышит свою музыку, она бежит что молодая!... её никто не мог удержать…Ох! она вернётся, я за неё спокойна…

— Хорошо, я буду заходить время от времени…

— И всё же, подумать только, мой бедный доктор, вас зря побеспокоили!...

— Ну что вы! ничего страшного… к счастью, ещё не слишком поздно!... У меня ещё два-три визита…

Мы попрощались…

Я пошёл прямиком дальше… протокол… “нанесение увечий” и снова мертвецы… на сей раз настоящие, мертвее некуда, никаких сомнений.

На следующий день я встретил Дивето, но ничего ему не рассказал… С этого и начинаются катастрофы! с недостатка осторожности… вы что-то слышите… какие-то волны… какие-то мнения… симфонии… говорите себе, что это витает в воздухе… и вот вам, пожалуйста!... а мне до фонаря! ТОО! тоо! ТО! ТО! то! та.. та… а… а!... вот так! вот увидите!... Ля!... фа!... соль!... ля!... си!... до…

ля… До!... отлично… отлично… лучше и не надо… Я и раньше это говорил… Превосходно! Смысл?... да срать мне на него!... Превосходно! думайте что хотите! а я, мне весело, я, что называется, в ударе!... дело ваше!... а я знай своё гну: Таа!... тоо! о! о! о! оо!... Лебединый зов — это то, что охватывает вас! волнует сердце! всё то, что от него осталось!... Ах! я, я слышу его… он потрясает меня!... Это повсюду, по всей равнине!... в окрестностях!... и даже в небе! фю-фю!... эти облака, образы! грозовые великаны, идущие важной походкой!... Гиганты пустяка!... охваченные тысячей огней… и миражи… окрылённые радостью!...беззаботные чайки… они слегка касаются крылом наших забот… мелькают стрелами… над… под аркой… украшают лентами угрюмых прохожих… их кислые мины… их вереницу, их уныло брюзжащую процессию…

У берега лодка борется с волнами, которые её захватывают, относят… пришвартовывается… Ох! это ещё не конец!... Я-то ничего не растрезвоню!... Но я знаю настоящих дегенератов, закоренелых извращенцев, криводушных людишек, честолюбивых и абсолютно непроницаемых, исполненных неслыханного дьявольского злорадства, тех, что заключили самый настоящий договор с поту-

сторонними силами!... Ах!... что им сердце, что им деликатность!... Они не считаются ни с чем! Они целиком и полностью погрязли в бездне гнусных пороков... Ах! эти чудовища прокляты!...Вот так! я больше не скажу ни слова! Подобному ходячему висельнику достаточно ещё раз покончить с собой, чтобы сбить с толку суккубов!... Ах! что за гнусная мертвечина!... Отвратительная загадка! Смерть ничтожных крыс!... Больше мне сказать нечего!... Никто, ни один из этих прокажённых ублюдков, покрытых коростой, не растворился бы с лёгкостью... зачарованный музыкой... как моя пациентка... которую я разыскиваю повсюду... не отправился бы в путешествие к облакам по волнам созвучий!... Дудки! Долой этих скользких выродков! набитых глупостью! стиснутых, переполненных желчью, настолько гнусных в своём свинстве, настолько мрачных, настолько прогнивших, что они

издыхают живьём от самих себя!... что их буквально выворачивает наизнанку от чрезмерного сходства их собственных душ и тел с чудовищами!... что их больше не переносит даже их собственная туша, которая отвергает их, сживает со свету, убеждает их, что пора положить всему этому конец, что ей лучше всего вернуться на-

зад во прах! что она чувствует себя абсолютно жалкой и ничтожной! что она знает их как облупленных и что с неё хватит!

Вот так разворачиваются потусторонние драмы… из недр тьмы всплывают самоубийцы, ужасающие деяния, надругательства, фальшь, скорпионоподобные предательства тех, кто присягнул самому Люциферу! Ах! Жребий брошен! Горький жребий! тех, которым нужен только сам проклятый, который раздувает огонь и поджаривает их как свиные шкварки на гриле жутких забав в самом центре Эреба! Билеты на казнь?...Сюда!

И этому не видно конца! вся эта нечисть рыскает там и сям! вот, полюбуйтесь! и попомните моё слово!... эта злотворная отрава, эта ядовитая, разъедающая, цианистая, смертоносная вельзевулова эссенция выйдет ещё не скоро! Это ясно как божий день!...

Я знаю, что я говорю!... Ах!... самоубийствам не видно конца!... Всё в самом разгаре!... громадные, крошечные… размером с блоху, с целый континент!... Ах! и внезапно огненные Гении переполняются гневом! с особенной гордостью! Каббалисты курят свои амбры… чумные жабы

пожирают фимиам… и тут все котелки вдруг летят вверх тормашками! банкет окончен!… нужно узнать, где угасает морской ветер… куда отправляются умирать трясогузки… и все маленькие птички… где беззаботно гуляет моя пациентка? под звуки каких помпезных арий?… ах… и затем навсегда закрыть свой рот! Это самый подходящий момент!…призыв! воззвание в фа миноре!… оно не настойчивое!…решать вам!… эти воодушевляющие волны… решать вам!… если у вас вместо души всего лишь пук, то ничего не выйдет… душа ушла!…нужно уметь оседлать арпеджио… целый рой диез… трель в полёте… Сердце перестаёт биться!… Пускай! тем лучше! Пикирующего жаворонка и его крик! Радость и утреннюю зарю! Примите мои комплименты!… Мадам! Моё почтение!…до!… си!… ля!… си!…Вздох! Готово! завершено! Жизнь ушла…

Полупрозрачные соперники, направим наши прыжки в другое место!… в воздушные обители граций, где затихают наши мелодии… в фонтанах восхитительного миража… Ах! где нет никаких существ! Только полупрозрачный танец! Бесплотный ригодон! Само ликование! счастливые избранники смерти! галантные кавалеры! Всё это наше — эти феи и это вдохновение!…Взлетим же!

Сожжём календарь! Нас больше ничто не тяготит! оперимся и взлетим! К чертям тяжеленный циферблат! мы оперились! тяжесть растворилась! душа парит! душа резвится!... рассыпая по всему небу букеты ослепительно сияющих цветов, искрясь и сверкая! Звёздный перезвон!... кругом звенят колокольчики!... это балет!... и всё это сплетается и ошеломляет! пируэт! восхитительная фарандола!... звонкие ритурнели... музыка фей!

И тут, откуда ни возьмись... смелый бунтарь!... Ох! Капризная шалость! Та! та! тин! тин! динь-диньдон! такой кисловатый поздний виноград... дрожащий нотами!... каскадетта! озорная колдунья!... О славное трио богинь! Они кружат вокруг нас! Отчитывают нас на свой божественный лад! Три сильфиды со своей весёлой магией! до! до! до! фа ми ре до си! То игривые, то непокорные! и так изящно задрапированные! Дерзкие! Трели! Дразнящие! Какой порыв! Изобилие чарующей радости!... О какая утонченная заносчивость! Они окружили нас вихрями! Они такие яркие, что рядом с ними блекнут розы и любой свет! Они теснят нас, прогоняют! атакуют нас! Из милости! тысячей дерзостей! выпадов и кошачьих рывков! они потешаются над нами ! Та ! та ! та!... Магия их

улыбок добивает нас… Мы сдаёмся!…

Нам не ускользнуть! Мы сражены!... изобилием чарующей радости! Нам следует сдаться!... мы были сражены в лебединых владениях… куда нас привела мелодия… призыв! всё растворяется!... ещё две трели!... арабеска!... эшапе! Боже, вот они!... фа… ми… ре… до… си… Небесные бунтари околдовали нас! была не была!

Пускай всё рассеивается! очаровывается! кружится! в игривых грозовых облаках! Волшебницах! нас больше нет… в пространстве замирает танцующее эхо… ещё более хрупкое, чем фа! ми! ре! до! си!... и сильный ревущий ветер подхватывает и уносит нас с собой!..